

Г.И.Брызгалин

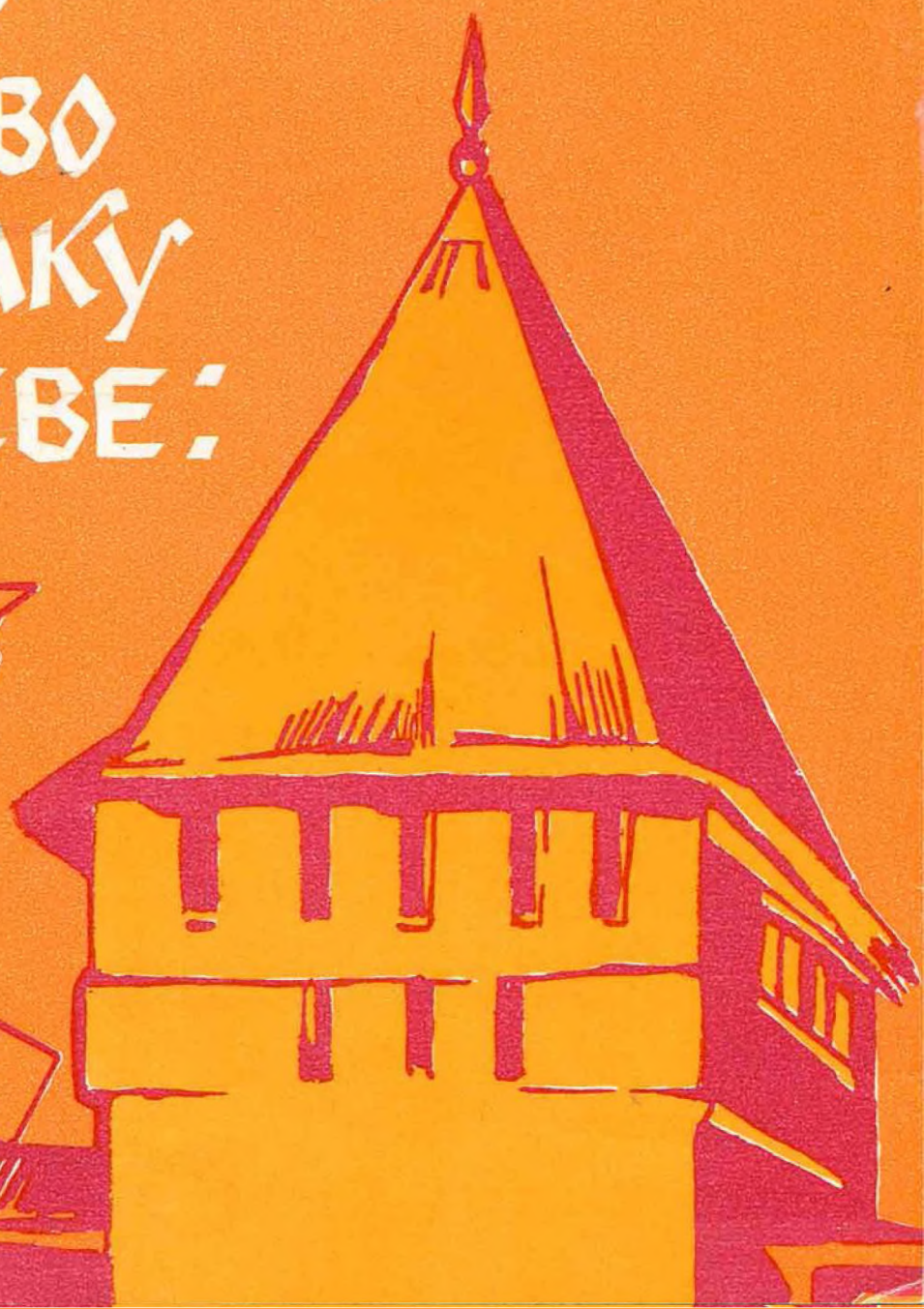
Чудесной тайны ключ

Слово
о полку
ИГОРЕВЕ:

Разгадка

авторской

мысли

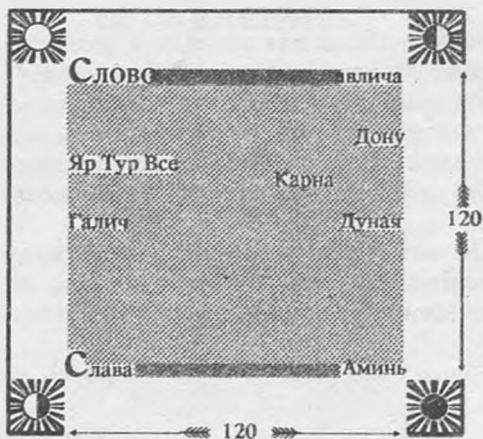
Г.И.БРЫЗГАЛИН

ЧУДЕСНОЙ ТАЙНЫ КЛЮЧ

Новое прочтение

СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

*опирающееся на уникальную закономерность
обнаруженную в строении поэмы*

Институт качеств

Волгоград, 1994

УДК 882 - 1 "11" +882.09 - 1 "11" 519.25

Брызгалин Г.И.

Чудесной тайны ключ.— Волгоград:
Издательство Института качества, 1994. - 92 с., ил.

Книга предназначена для читателей разного возраста и круга интересов. Любитель изящной словесности найдёт здесь восстановленный стихотворный текст "Слова о полку Игореве", а математик— неожиданные закономерности, открытые в нём и обоснованные автором-составителем. В их свете по-новому воспринимаются старые споры о степени сохранности, времени создания и личности автора великой поэмы.

Для юного читателя — доступное изложение связанной со "Словом" летописной повести, былин и, конечно же, — сам неповторимый поэтический бриллиант.

ISBN 5-88069-001-6

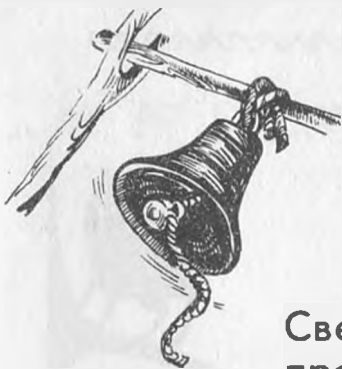
© Г.И.Брызгалин
© Оформление,
Институт качества,
ВолгГТУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Сквозь даль веков	7
Две былины	13
Повесть о походе Игоря Святославича	20
Время, события, автор	25
Алгеброй... гармонию	39
Слово о полку Игореве	57
Построчные изъяснения	83
Список литературных источников	91

Светлой памяти
предков и современников,
положивших души свои
за Русскую землю

По благословию владыки Германа,
архиепископа Волгоградского и Камышинского

Да ратоборствует бодро
бессмертный дух человека
противу тления своего

Н.В.Гоголь

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Слову о полку Игореве" восемь столетий.

Исчезнув с литературного горизонта в крутые петровские времена, оно возвратилось к новой жизни незадолго перед нашествием Наполеона благодаря трудам А.И.Мусина-Пушкина, Н.Н.Бантыш-Каменского, А.Ф.Малиновского и других честных ревнителей русской старины.

После выхода первого печатного издания 1800 года интерес к "Игоревой песне" стал поистине всеобщим: ею восхищались Н.М.Карамзин и А.С.Пушкин, один из первых поэтических переводов создал В.А.Жуковский, гениальная повесть Н.В.Гоголя "Тарас Бульба" содержит столько аналогий с этим произведением, что ее вполне можно понимать как "Слово о полку Тарасове". Интерес этот не угас, не иссяк со временем, свидетельством чему — признание И.А.Бунина: "Был совершенно пленен "Словом о полку Игореве", нечаянно перечитав его и поняв всю его несказанную красоту."

Появление столь яркой необычной находки на самой заре золотого века русской литературы, естественно, породило вопросы, касающиеся ее происхождения, личности автора, толкования смысла так называемых "темных мест" и многие другие. За два последних столетия "Слову" посвящены сотни исследований, десятки переводов, прочтений и переложений. Так можно ли сказать еще хоть что-нибудь существенно новое об этом небольшом произведении, изученном не только вплоть до каждой фразы, но до каждой буквы?!

Как оказалось, можно... Ведь не был решен главный вопрос: какова степень сохранности текста, многое ли утрачено при составлении новых списков с древних претерпевших всяческие невзгоды ветшающих рукописей?

Отрадно и поразительно, что "Слово" само подсказало ответ и само же предоставило убедительные доказательства его достоверности. Дело в том, что высокие художественные достоинства первой русской поэмы имеют в своей основе не только неизъяснимые качества таланта ее автора, но и *очень точный математический расчет.*

Неожиданно обнаруженная количественная закономерность, подобно камертону, помогла настроиться на удивительный лад старинного произведения и, как хочется верить, воспроизвести изначальную последовательность текста и его поэтический строй.

Что касается прилагаемых здесь к новому прочтению пояснительных и аналитических материалов, то они суть строительные леса, возводимые для восстановления прекрасного древнего храма — храма "Слова" в русской душе, который открыт человеку любой национальности и вероисповедания. Составителю этой книги повелось в возможность их полезного действия, когда его внучек, послушав однажды сказку о русских князьях, стал каждый вечер подходить с настойчивой просьбой:

"Дед, расскажи мне про Игоря!"

СКВОЗЬ ДАЛЬ ВЕКОВ

*Уважение к минувшему —
вот черта, отличающая
образованность от дикости*

А.С.Пушкин

О предках Игоря Святославича

Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, направил к нему послов... : "...Полагаю, что ты не забыл о поражении отца своего Игоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к нашей столице с огромным войском (Игорь Старый, 941год — Г.Б.), а к *Киммерийскому Боспору* прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды."

Из "Истории" Льва Диакона

В год 943... Игорь, собрав много воинов — варягов, русь и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, и печенегов наняв и взяв у них заложников, пошел на греков в лодьях и на конях... Узнали об этом *корсунцы*, послали к Роману, глаголя: "Идет русь без числа кораблей, покрыв кораблями море"... Услышав об этом, царь послал к Игорю лучших бояр, глаголя: "Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, придам и еще к той дани." Тако же и к печенегам послал *паволоки и злата* много. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину и начал совещаться, и поведал им речь цареви. Дружина же Игорева сказала: "Да если так говорит царь, то что хотеть более того — не бившися иметь злато и серебро, и паволоки? Еще кто знает, кто одолест: мы ли, они ли... С морем кто в стоворе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской! Общая смерть всем." Послушал их Игорь... взял у греков злато и паволоки на всех воинов и возвратился вспять, и пришел къ Киеву восвоеси.

В год 964... Князь Святослав, выросши и возмужав, начал собирать воинов многих и храбрых, легко ходя, *аки пардус* (гепард)...

В год 971... и сказали греки: "Мы слабы против вас стать, но возьми дань с нас на дружину свою и поведай, сколько вас, чтобы дать на каждого". Так говорили греки, обманывая русь, ибо греки льстивы и до сего дня. И сказал Святослав: "Нас 20 тысяч", прибавив 10 тысяч, ведь руси было только 10 тысяч. И выставили греки 100 тысяч против Святослава и не дали дани. И пошел Святослав на греков, а те вышли против руси. Увидели русичи и убоялись множества воинов и сказал Святослав: "Уже нам некуда деться, как волей-неволей стать против. Да не посраим земли Русской, но ляжем костьми тут,

ибо мертвые позора не примем. Не убегать будем, но станем крепко. Я же пойду впереди, если *моя голова ляжет*, — позаботьтесь о себе сами". И решили воины: "Где твоя голова, там и свои головы сложим." И исполчилась русь, и была сеча велика, и одолел Святослав, и бежали греки.

В год 980... И начал княжить *Владимир* в Киеве один. И поставил кумиры на холме вне двора теремного: Перуна деревянного, а голова серебряная, а ус золотой, и *Хорса Дажьдбога*, и *Стрибога*...

В год 987... созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: "Вот пришли посланные нами мужи, послушаем, что с ними было". И рече: "Скажите перед дружиною". Они же сказали: "... пришли в Грецию и повели нас туда, где служат богу своему, и не знали мы, — на небе мы или на земле: нет ведь на земле такого вида и красоты такой. И не знаем, что и сказать, только знаем, как он Бог с людьми пребывает и что служба их лучше, чем во всех других странах." И рече Владимир: "Где крещение примем?" Они же сказали: "Где тебе *любо!*"

Прошел год, и пошел Владимир войной на Корсунь, град греческий. Корсунцы затворились в крепости, а Владимир стал у лимана в одном перелете стрелы от стен ее. Горожане крепко сражались, и решил Владимир брать город осадю, сказав: "Ежели не сдадитесь, простою и три года". И отрядил воинов своих сыпать землю к стене крепостной, а греки, подкопавши стену, носили ее к себе и ссыпали посреди града. Воины присыпали еще, а Владимир стоял.

И однажды муж корсунянин именем Настас пустил стрелу, а на ней было написано: "На восток от тебя колодцы, из них вода идет по трубе. Копав, перейми". Услышав это, Владимир *возрел на небо* и рече: "Ежели сбудется это, крещусь!" И повелел копать те трубы и перенял воду. Изнемогли люди от жажды и сдались. И послал Владимир царям Василию и Константину: "Град сей славный взял. Слышал, что сестра у вас на выданьи. Да ежели не отдадите ее за меня, сотворю вашему граду то же, что и этому сотворил". Опечалились цари и послали такую весть: "Не достойно христианку за *поганого* выдавать. Если крестишься, то и желаемое получишь и царство небесное примешь, и нам единоверником будешь. А иначе не можем отдать сестру за тебя". И прибыла Анна, и вышли корсунцы с поклоном, и ввели ее в град. Владимир крестился в церкви святого Василия, что стоит в Корсунни посреди града, где собираются корсунцы на торг. Палата же Владимира стоит у церкви и до сего дня, а царицына палата за алтарем.

В год 1015... пришла к *Ярославу* от сестры его Предславы весть о смерти отца. И Ярослав послал къ Глебу, глаголя: "Не ходи, брат, отец твой умер, а брат твой убит Святополком!"

В год 1037... Заложил Ярослав город великий в Киеве, у того же города Золотые Ворота, заложил же и церковь Святой Софии. И при

этом начала вера христианская плодиться и распространяться... И собрал писцов многих и переложил с греческого на словенское письмо, и списали книги многие... и засеял книжными словесами сердца верных людей, а мы пожинаем, приемля учение книжное.

В год 1068... Пришли иноплеменники на Русскую землю — множество половцев. Изяслав же и Святослав, и Всеволод вышли против них... И не поладили между собой. Грехов наших ради пустил бог на них поганых, и побежали русские князья, и победили половцы. Изяслав съ Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов. И люди киевские прибежали в Киев и сотворили вече на торжище, и послали ко князю: "*Половцы рассыпались по Русской земле. Дай, князь, оружие и коней и еще будем биться!*" Изяслав же их не послушался. И сказали дружинники князю: "Дело плохо. Пошли к *Всеславу*, пусть призовут обманом к оконцу и пронзят мечом." И не послушался князь. Люди же пошли к темнице Всеслава. Видя это, Изяслав съ Всеволодом побежали со двора. Люди же вырубili выход Всеславу из темницы в день 15 сентября и поставили среди двора. Двор же княжеский разграбили, — бесчисленное множество *злата и сребра монетами и белью*. Изяслав бежал к *ляхам*...

Святослав был в Чернигове, а половцы воевали около Чернигова. Святослав же, собрав дружины несколько, вышел на них къ Сновску. И увидали половцы идущий полк, построились против. И видит Святослав множество их и *рече дружине своей*: "Потягнем, уже нам некуда деться!" И пришпорили коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч...

Всеслав же сидел князем в Киеве семь месяцев.

По "Повести временных лет"

Надпись на Тьмутараканском камне

В год 1068 Глеб князь мерил море по льду. От Тьмутаракани до Корчева — 14000 сажен.

Найдена в прошлом веке на берегу моря в районе Тамани, хранится в Эрмитаже.

Глеб Ярославич — старший брат князя Святослава, прадеда Игоря.

Из "Поучения" Владимира Мономаха

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог. Сжалился я над душами христианскими и селами горящими... и отдал брату *отца его* стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль...

Богу бы тебе покаяться (Г.Б.: Владимир обращается к Олегу, в бою с которым погиб его сын), а ко мне грамоту утешеную и сноху мою послати ко мне: зане нет в ней ни зла ни добра, да бы оплакали оба мы мужа ее и ту свадьбу ее вместо песен. Не видел ведь я ее первые радости ни венчанья ее за грехи свои! А бога для пусти ее ко мне скорее с первым послем. Да с нею кончив слезы, поселю ее у себя, и сядет аки горлица на сухом дереве, жалеючи. А я утешуся в божестве... Дивно ли, что умер муж в бою? Лучшие люди умирали и родичи наши. Не искал бы чужого — не ввел бы меня ни в позор, ни в печаль. Подучили ведь его приближенные, дабы себе что-нибудь добыть, а добыли зло для него. Да ежели начнешь каяться богу, а мне доброе сердце створишь, послав посла своего или епископа, и грамоту напишешь с правдою, то и волость возьмешь добром и сердце мое обратишь к себе, и лучше будем, как прежде: не будет тебе ни вражды, ни мести.

О новгородских князьях

В год 1180... послали Новгородцы к *Святославу в Русь по сыну и привели Володимира в Новгород*, и посадили на стол 17 августа. В год 1181... пошли къ Друцку со *Святославом, с Ольговым внуком...* тогда ж на зиму *показали путь Володимиру Святославичу.*

В год 1182... пришел князь *Ярослав в Новгород*, сын Владимира, а внук Великого Мстислава. В год 1184 вздумали Новгородцы послать в Смоленск к Давыду, прося сына у него, и дал Мстислава... В год 1186... выгнали Новгородцы князя Мстислава и послали к Всеволоду Володимировичу по *Ярославу по Володимировичу, и вошел в Новгород и сел на стол 20 ноября.*

В год 1191... ходил князь Ярослав на Луки, *позван Полоцкою князьею и Полочанами и взяв с собою новгородскую переднюю дружину.* И снялись на рубежи и положили между собою любовь.

В год 1194... *позвал Всеволод Новгородцев на Чернигов на Ярослава и на все Ольгово племя. И Новгородцы не отпрешася ему, пошли с князем Ярославом Огнищане и Гридьба, и Кунцы.* И были на Новом Торгу, и прислал Всеволод, воротил их с честью домой... Той же зимой бились Смоленяне с Черниговцами и помог бог Черниговцам, и взяли князя Бориса Романовича... И начали войско копить Всеволод с Давыдом себе, а Ярослав Черниговский и Игорь с братиею себе, и не было мира между ними, но рать большую воздвигнули.

В год 1199... прислал Всеволод вывести Ярослава из Новгорода и привести к себе... и дал им сына Святослава. Пришел же Святослав в Новгород сын Всеволодов, внук Юриев 1 января на святого Василия, и посадили на стол в святой Софии, и обрадовался весь Новгород.

Вострубим, яко в *златокованные* трубы, в разум ума своего... Был язык мой тростью книжника скорописца, и увертлив уста, аки речная быстрина...

Но не возри на меня, господине, аки волк на ягненка, но зри на меня, аки мати на младенца. На птиц небесных возри, яко те не падут, не сеют, но уповают на милость божию. Так и мы, гоподине, желаем милости твоей...

Тем же вопию к тебе, одержим нищетою, помилуй меня, сын великого царя Владимира... Не лиши хлеба мудрого нищего, не вознеси до облак богатого глупца. Ибо нищий мудрый, аки золото в грязном сосуде, а если богат и красен, да глуп, то аки изголовье паволочито, соломой набитое...

Из Слова Даниила Заточника
князю Ярославу Владимировичу

Из "Государства" Платона

- Может ли быть, по-нашему, большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадению на множество частей?

- По нашему, не может быть.

- А связует его общность удовольствия или скорби, когда чуть ли не все граждане одинаково радуются либо печалются?

- Безусловно.

- А обособленность в таких переживаниях нарушает связь между гражданами, когда одних крайне удручает, а других приводит в восторг состояние государства и его населения... И разве не оттого происходит это в государстве, что не попадут раздаются возгласы: "Это - моё" или "Это - не моё" ?..

- Совершенно верно.

- А где большинство говорит одинаково об одном и том же: "Это - моё" или "Это - не моё", — там, значит, наилучший государственный строй.

О Траяне

"Император Цезарь Нерва Траян, сын божественного Нервы, Наилучший Август Германский, Дакийский, Парфянский, великий понтифик, наделенный властью народного трибуна в двадцатый раз, император в тринадцатый раз, консул в шестой раз...

- *Четвертый Скифский легион соорудил."*

Фрагмент торжественной надписи, обнаруженной в Армении /40/

"Мы видели суд над доносчиками такой же, как над бродягами и разбойниками. Ты выкорчевал это внутреннее зло и предусмотрительной строгостью обеспечил, чтобы государство, построенное на законности, не оказалось свернутым с пути законов."

"Мы любим тебя настолько, насколько ты этого заслуживаешь, и любим тебя не из любви к тебе, а из любви к себе."

"Твоя жена соответствует твоей славе и служит тебе украшением."

Плиний младший /40/

"Когда император (Констанций II) пришел на форум Траяна, - это единственное в мире сооружение, достойное, как я полагаю, удивления богов, - он остолбенел от изумления..."

Аммиан Марцеллин /40/

О дохристианской Руси

"Количество кладов с монетами и объем серебра резко возрастает в эпоху императора Траяна (98-117 гг. н.э.) и долго остаётся на этом высоком уровне..."

"В лесостепной славянской зоне известен ряд находок золотых медальонов императора Траяна (на Волыни близ района действий этого императора), Иовиана и Константина Великого."

Б.А.Рыбаков /27/

"...стоянки росов у Констанции, Дичины и Варны находились в районе расселения славянского племенного союза *северов*, который как особая Славиния пользовался ещё во второй половине 8 века правами автономии в Первом Болгарском царстве и обладал значительной военной силой."

Г.Г.Литаврин /12/

"Что же касается купцов русских, - они же суть племя из славян... Они ходят к морю Джурджана (юг Каспийского моря) и выходят на любой им берег... иногда же они привозят товары на верблюдах в Багдад."

"Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются источники, дающие нефть."

Константин Багрянородный

ДВЕ БЫЛИНЫ

Там русский дух

А.С.Пушкин

Вольга

В ясном небе заря загорелася,
Воссияло-взошло солнце красное,
Народился тогда молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга ростеть, матереть,
Похотелось Вольге *много мудрости*:
Щукой-рыбою ходить въ глубоких морях,
Птицей-соколом летати под облаки,
Серым волком рыскать по чистым полям.
Уходили все рыбы въ сини моря,
Улетали все птицы за облаки,
Ускакали все звери въ тёмны леса.

Как стал Вольга ростеть, матереть,
Собирал он дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцев собрал да без единого,
А и сам-то Вольга въ тридцатых был.
Вот посели на коней да поехали
Къ своим городам за получкою.
Выезжают в раздольное полюшко,
Услыхали въ поле оратая.
Он орёт в чистом поле, посвистывает,
У оратая сошка поскрипливает,
А лемешики по камешкам почиркивают...

Уж и едут с утра и до вечера,
А не могут до оратая доехати.
И другой-то день едут до вечера,
Не смогли до оратая доехати.
А оратай орёт да посвистывает,
У оратая сошка поскрипливает,
Да лемешики по камешкам почиркивают...
Третий день они едут до полудня
И наехали в поле оратая!

Как орёт оратай, посвистывает,
А бороздки ровно размечивает,
А пенья-коренья вывертывает,
А большие каменя в борозду валит.
У оратая кобылка соловая,
А гужи у кобылки шелковые.
У оратая сошка кленовая,

А лемешики на сошке булатные,
А присошечек на сошке серебряный,
А рогачик у сошки красна золота.
У оратая глаза ясна сокола,
А и брови у него чёрна соболя,
У оратая шляпа пуховая,
А кафтан у него чёрна бархата.

Говорит Вольга таковы слова:
*Божья помощь тебе, оратаюшко,
Орать да пахать, да крестьяновати!*
Говорит оратай таковы слова:
Да поди-ка ты, Вольга Святославович,
Вот мне надобна помощь крестьяновати!
И куда ж ты, Вольга, едешь, держишь путь?

Отвечает Вольга Святославович:
Как пожаловал меня родный дядюшка,
Родный дядюшка да крёстный батюшка
Ласковый Владимир стольно-Киевский
Городами тремя со крестьянами —
Курцевцем, Ореховцем, Крестьяновцем.
Теперь еду туда за получкою.

Говорит оратай-оратаюшко:
Ай же ты, Вольга Святославович!
А ведь там мужички все разбойнички,
Они подрубят сляги калиновы,
Да утопят ты в речке Смородине!
Я недавно был в этом городе,
Купил соли три меха по сту пудов.
Стали тут мужички с меня грошов просить
Ну и стал я им всем гроши делить.

Да чем меньше грошов моих станется,
Тем всё больше мужиков за ними ставится.
Ну и стал я тогда их отталкивать,
Стал отталкивать, кулаком грозить.
Успокоил я их там до тысячи:
Кто стоя стоял, тот уж сидя сидит,
А кто сидя сидел, тот лежмя лежит."

Тут сказал Вольга Святославович:
Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Поезжай со мной въ товарищах.
Оратай гужи шелковы повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на коней, да посхали.
Говорит оратай таковы слова:
Эх, оставил я сошку в бороздочке!
Маломожный наедет — взять нечего,
А богатый наедет — не позарится,

А для ради мужичка да деревенщины
Как бы сошку из земельки повыдернуть,
Из лемешиков земельку повытряхнуть,
Да забросить сошку за ракитов куст?

Посылает тут Вольга Святославович
Из дружинушки пять молодцев могучиих.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут никак из земли поднять,
Из лемешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.
Посылает Вольга Святославович
Добрых молодцев целым десяточком,
А и те не могут сошку из земли поднять,
Из лемешиков земельку повытряхнуть,
Бросить кленовую за ракитов куст.
И тогда Вольга Святославович
Посылает всю дружинушку хоробрую.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут её из земли поднять,
Из лемешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Подъезжает оратай-оратаюшко
На своей кобылке соловенькой,
Он берет эту сошку одной рукой,
Из земли легонечко выдергивает,
Из лемешиков земельку вытряхивает
Да бросает кленовую за ракитов куст.

Сели вновь на коней и поехали.
У оратая кобылка ступью пошла,
А грива у нее завивается,
А как хвост у нее расстиляется,
А Вольгин-то конь уж поскакивает.
У оратая кобылка грунью пошла,
А Вольгин-то конь остается.
Тут Вольга стал вдогонку покрикивать,
Колпаком стал оратаю помахивать:
Ты постой оратай-оратаюшко,
Кабы эта кобылка коньком была,
За эту кобылку пятьсот бы дал.

Отвечает ему оратаюшко:
Ох и глупый ты, Вольга Святославович!
Я кобылку купил за пятьсот рублей
Жеребеночком еще из-под матушки.
Кабы эта кобылка коньком была,
За кобылу эту цены не было б.
Говорит Вольга Святославович:

Как зовут тебя оратаюшко,
Нарекают по имени-отчеству?

Отвечает ему оратаюшко:

Я как выращу рожь да в скирды сложу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
А и пива наварю, мужичков напою.
Тут и станут мужички меня похваливать —
Молодой Микула Селянинович!

Вот подъехали къ городу *Курцевцу*,
Они стали по городу похаживать,
А ребята городские поговаривать:
А ведь тот у нас был, мужичков он бил!
Стали тут мужички собираться,
Собирались они, думу думали:
Как бы им прийти... извиниться.

Тут сказал Вольга Святославович:
Ай же ты Микула Селянинович!
Городами тебя я пожалую,
Городами тремя съ крестьянами,
Оставайся ты в них наместником.

Волхв Всеславьевич

Как по саду, по саду зеленому
Ходила-гуляла молода княжна,
Молода княжна Марфа Всеславьевна.
Наступила княжна да на камешек,
Соскочила на змея на лютого.

Вот как прыгнет змей около чёбота,
Обовьется у чулочка шелкового,
Хоботом бьет по белу бедру.
Княгиня млада с той поры понесла,
А время пришло — дитя родила.

Народился в *Киеве* могуч богатырь,
Удалой чародей Вольх Всеславьевич.
Задрожала тогда мать сыра земля,
Затряслось славно царство Индейское,
А на небе светел месяц просветился,
А и синие моря всколыхались
Для ради рожденья богатырского
Чародея Вольха Всеславьевича!

Птичь полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы — по чащицам,

А волки, медведи — по ельникам,
Соболи, куницы — по островам.

А и стало Вольху полтора часа,
Вольх говорит, аки гром гремит:
А и гой еси, сударыня матушка,
Молодая Марфа Всеславьевна!
Не пеленай мя в пелёну червлёную,
Не поясай въ поесья шелковые,
Пеленай в крепки латы булатные,
А на буйну главу клади злат шелом,
А по праву руку — палицу свинцовую,
Чтобы весом та палица в триста пуд.

А и стало Вольху семь годов,
Отдавала его мать учить грамоте,
А грамота Вольху в наук пошла.
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему тоже в наук пошло.

А и стало Вольху десять годов,
Втепоры учился Вольх ко премудростям:
Мудрость первая такова была —
Обернуться Вольху ясным соколом,
А вторая премудрость — серым волком стать,
А и третья премудрость для него была —
Обернуться гнедым туром золоты рога.

А как стало Вольху двенадцать лет,
Он начал набирать себе дружинушку,
За три года собрал он семь тысячей
Как и сам молодых по пятнадцать лет.

А прошла тогда слава великая,
Что къ граду стольному Киеву,
Царь индейский в поход собирается,
Наряжается-похваляется.
На щит хочет взять стольный Киев град,
Церкви божии все на дым спустить,
А честны монастыри разбить-разорить.

А Вольх втепоры уж догадлив был —
Собирал свою дружинушку хоробрую
И тут же с нею в поход пошел
Къ славному царству Индейскому.

Долго ль, коротко идут, привал разобьют.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Обратится он в волка серого,
Побежит по лесам да по раменью,
Бьет медведя и зверя сохатого,
А и соболю, барсу спуску не даст.

Придел-обул дружинушку хоробрую:
Надевали они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые.

Дружина спит, так Вольх не спит:
Обернется он ясным соколом,
Полетит далеко к морю Синему,
Там бьет гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуска не даст.
Все кормил-поил дружинушку хоробрую.

Дружина спит, так Вольх не спит:
Захотел проведать царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставркульевича.
Обернулся гнедым туром золоты рога,
Он въ первый скок за версту скочил
А и так бежит, что земля дрожит,
А лист со травую пристилается.

Прискакал он къ царству Индейскому,
Обернулся вмиг ясным соколом,
Полетел въ дворец царя Индейского
Да в его палаты белокаменны,
И на то его окошко косящатое.
А как царь со царицей разговор ведет,
Говорит царица Аздяковна:
Ах ты, славный великий Индейский царь,
Ты на Русь воевать наряжаешься,
А не знаешь про то, что въ Киеве
Родился тебе супротивничек...

А Вольх на окошке косящатом
Все эти их речи повыслушал,
Град-столицу индейскую повысмотрел,
Обернулся затем горностаюшкой,
Начал бегать по подвалам, по погребам,
По высокому царскому терему.
У тугих луков тетивки понадкусывал,
У каленых стрел железцы повынимал
Да все их в землю закапывал.

Обернулся вновь ясным соколом,
Полетел к своей дружине хоробрыя,
Разбудил удалых добрых молодцев:
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы къ царству Индейскому.

Вот пришли оне к стене белокаменной,
А в стене той ворота железные,
А засовы да крюки в них медные,
Подворотня стоит — дорог рыбий зуб,

В ней мудреные вырезы вырезаны,
А в те вырезы — лишь мурашу пройти.

А Вольх молодой — ох, догадлив был,
Обернул себя и молодцев мурашками,
Прошли они стену белокаменну
И стали уже на другой стороне —
В стольном городе царства Индейского.
Обернулись сызнова в рыцарей
Со всею сбруею ратною.

Тут его дружинушка хоробрая
Победила войско Индейское
Да взяла в полон красных девушек
Ни много, ни мало — семь тысячей.

А Вольх пошел в палаты царские,
В тех палатах все двери железные,
Крюки-пробои по булату золоченые.
Он пинал ногою двери железные,
Изломал все пробои булатные.
Он находит Салтыка Ставрुльевича,
Говорит ему таковы слова:
Ой ты, славный премудрый Индейский царь,
Не сидится тебе на своей земле,
Ты на Русь воевать снаряжен-готов, —
А и русь тебе навстречь сама пришла!
Он берет царя за руки белые,
Разбивает об пол о кирпичатый.

А его дружинушка хоробрая
На тех девицах переженилася,
А и сам-то Вольх там царем насел,
Взявши в жены царицу Аздяковну,
Молодую Елену... Александровну.

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА

По Киевской летописи

В год 1185... *Святославич Игорь внук Ольгов* поехал из Новгорода Северского, месяца апреля в 23 день во вторник, взяв с собою брата Всеволода из Трубчевска, Святослава — племянника своего из Рыльска, Владимира — сына своего из Путивля и у Ярослава испросив помощь Ольстина Олексича с ковуями черниговскими. И так шли тихо, собираючи дружину свою, ведь были кони их тучны вельми.

Подходя к реке Донцу в час вечерний, *Игорь возрел на солнце и видит* его стоящим яко месяц, и рече боярам своим и дружине своей: "Видите ли, что есть знамение се?" Они же увидели все и поникли главами, и сказали мужи: "Княже, се есть не на добро знамение се!" Игорь же рече: "*Братья и дружина!* Тайны божия никто же не весть. А знамению творец — бог, и всему миру своему. А нам что створит бог или на добро или на наше зло, а то же нам видити."

И сказав так, перебрел Донец и пришел к Осколу. И ждал два дня брата своего Всеволода: тот шел иным путем из Курска. И оттуда пошли к Сальнице.

Тут же к ним и сторожевые приехали, которых посылал он языка ловить. И сказали, приехавши: "Виделись с ратниками. Противники ваши с доспехами ездят, да или езжайте быстро или воротитесь домой, так как не наше есть время." Игорь же с братьями своими говорили: "Воротимся домой не бившись, — и будет нам позор пуще смерти, пусть уж как бог даст."

И ршивши так, ехали через ночь. Назавтра же в пятницу в обеднее время встретили полки половцев, успевших вежи свои оставить за собой и собраться от мала до велика, стоя на той стороне реки Сиурлия. И изрядили шесть полков: Игорев полк в середине, а справа брата его Всеволода, а слева племянника Святослава, а впереди сын Владимир и другой полк, Ярославов, из ковуев с Ольстином Олексичем во главе, а третий, передний полк стрельцы, которые были от всех князей выведены.

И рече Игорь къ братьям своим: "Братья! Сего мы искали. А потягнем!" И так пошли вперед, полагая на бога упование свое. И когда подходили к реке Сиурлию, выехали из половецких полков стрельцы и пустили по стреле на русь, и поскакали, а русь не переехала еще реку.

Поскакали и те силы половецкие, которые далече от реки стояли. Святослав же Ольгович и Володимир Игоревич, и Ольстин с ковуями устремились за ними, а Игорь и Всеволод шли потихоньку, не распуская полков своих. Передние же те русичи били половцев и

брали их в плен, половцы же пробежали вежи, а русь, дойдя до веж, ополонилась. Другие же ночью приехали к полкам с полоном.

И как собрались все, Игорь сказал братьям и мужам своим: "Это бог силой своею возложил на врагов наших нашу победу, а на нас — честь и славу. Но видим мы, что много тут полков половецких, чуть ли не все они тут собрались. Ныне же поедем через ночь. А кто из них поседет завтра за нами, то поедут все, но переберутся лишь лучшие конники, а уж нам самим — как бог даст."

И сказал Святослав Ольгович дядьям своим: "Далече я гнал за половцами, и кони мои не могут. А ежели ныне поеду, то только лишь, чтобы на дороге остаться." И поддержал его Всеволод, чтобы остаться тут. Игорь же сказал: "Да недивно, так разумеючи, братья, и умереть!" И остались ночевать тут.

На рассвете выступили полки половецкие аки боры. Изумились князья русские, кому против которого выступить, ведь было половец бесчисленное множество. И рече Игорь: "Как видим, собрали на себя всю их землю: Кончака и Кзу Бурновича, и Токсобича Колобича, и Етебича, и Терьтробича. И условились все сойти с коней, говоря так: "Если дрогнем, убежим сами, а черных людей оставим, то будет от бога нам грех, что выдали их, но или умрем или живы будем все на едином месте." И так сказав, все сошли с коней и пошли с боем.

И божьим попусшением ранило Игоря, и омертвела левая рука его, и была печаль великая в полку его. И воевода, впереди идущий, тоже ранен был. И так бились крепко весь тот день до вечера, и многие ранены и мертвы были в полках русских. Настала ночь субботняя, и снова пошли с боем.

На рассвете в воскресенье смялись ковуи в полку и побежали. Игорь, как раненый, бывши в то время на коне, поскакал к полку их, хотя воротить. Уразумел, как далеко зашел от людей своих, и, сняв шлем, погнался опять за ними, того ради, чтоб узнали князя и воротились. Но не вернулся никто, кроме Михалка Гюрговича. Добрые воины не смялись с ковуями, лишь немного из простых, да кое-кто из отроков боярских. Все добрые бились пеши, и посреди их Всеволод немалое мужество показал.

И когда приближался Игорь, возвращаясь к полкам своим, переехали ему путь половцы в одном перелете стрелы от полка его и взяли в плен. Схваченный Игорь видел брата своего Всеволода, крепко бьющегося, и просил душе своей смерти, чтобы не видеть падения брата своего. Всеволод же, бьючися так, что и оружия в руку его не доставало, шел вокруг озера. И так в день святого воскресения навел на них Господь гнев свой: вместо радости навел на них плач, а вместо веселья печаль. *На реке Каяле...*

И тогда, по окончании битвы, разведены они были, и пошел каждый в свои вежи. Игоря взяли в плен Таргоровы, муж именем

Чилбук, а Всеволода, брата его, взял Роман Кзич, Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей, Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на полчище Кончак поручился за свата своего Игоря, поскольку он ранен был. Из стольких людей мало кто спасся: никакой возможности не было, как стенами сильными огорожены были полками половецкими. По слухам, руси с 15 человек убежало, а ковуев менее, а прочие в море утонули.

В то же время великий князь Всеволодич Святослав шел в Корачев и сбирал от верхних земель воинов, хотя идти на половцев к Дону на все лето. Как возвратился Святослав и был у Новагорода Северского, и услышал о братьях своих, что ушли на половцев, утаившись от него, и нелюбо было ему. Святослав же шел в лодьях и как пришел к Чернигову, в тот же час прибежал Беловолод Просович и поведал Святославу бывшее о половцах.

Святослав же, то слышав и вельми вздохнув, утер слезы свои и рече: "О, любы мои братья и сыновья, и мужи земли Русской! Дал бы мне бог притомить поганых, но не воздержали юности своей, отворили ворота на Русскую землю. Воля господня да будет о всем. Да как досадно мне было на Игоря, так ныне больше жалею об Игоре, брате моем."

Тогда Святослав послал сына своего Олега и Володимира в Посемье: слышно было, возмутились города посемские. И была скорбь и туга лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье и в Новгороде Северском, и во всей волости Черниговской: князья взяты, и дружина взята, избита. И метались люди, аки в сетях в мотве, города восставали, и немило было каждому свое ближнее, но многие тогда отрекались от душ своих, жалея о князьях своих.

Потом же послал Святослав к Давыду Смоленскому, говоря: "Сговаривались было пойти на половцев и летовать на Дону. Ныне же половцы победили Игоря и брата его с сыном, а пойдн, брат, постереги землю Русскую." Давыд же пришел по Днепру, пришли и иные помочь и стали у Треполя, а Ярослав в Чернигове, совокупив воинов своих стоял. Поганые же половцы, победив Игоря с братьями, взяли гордость великую и совокупили весь язык свой на Русскую землю. И была у них распря, молвил ведь Кончак: "Пойдем на Киевскую сторону, где перебиты братья наши и великий князь наш Боняк", а Кза молвил: "Пойдем на Семь, где остались жены и дети — готов нам полон собран, возьмем же города без опасы". И так разделились надвое.

Кончак пошел к Переяславлю и оступил город, и бились тут съ день. Володимир же Глебович был князем в Переяславле, дерзок и крепок к рати, выехал из города и поскакал к ним, и за ним мало дерзнувшей дружины. И бились с ними крепко, и обступили многие половцы, тогда прочис, видевши князя своего крепко бьющегося, выринулись из города и так отняли князя своего, раненного тремя

копьями. Сей же добрый Володимир, страдая от ран, въехал в город свой и утер мужественного поту своего за отчизну свою. Володимир же послал к Святославу и к Рюрику, и к Давыду, говоря: "Се половцы у меня, а помогите мне." Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя съ Смолянами. Смоляне же почали вече деяти, говоря: "Мы пошли до Киева. Да была бы рать, — бился бы. Нам ли иной рати искать, то не можем: уже изнемогли." *Святослав же с Рюриком и с иными помощниками вошел в Днепр против половцев, а Давыд возвратился вспять со смолянами.*

То слышав, половцы возвратились от Переяславля. Идуши же мимо, приступили к Римову. Римовичи же затворилися в городе и возлезли на *заборол*, и тогда божиим судом рухнули два пролета с людьми, так что на ратных и на прочих граждан нашел страх. Да которые граждане вышли из града и бились, ходя по Римскому болоту, то избежали плена, а кто остался в городе, те все взяты были. Володимир же послал к Святославу Всеволодовичу и к Рюрику Ростиславичу, понуждая их к себе, дабы ему помогли, они же опоздали, ожидаючи Давыда со смолянами, и так князья русские опоздали и не застигли их...

А другие половцы шли иной стороною к Путивлю, Кза в силах тяжких, и повоевали волости их и села их пожгли, пожгли же и острог у Путивля и возвратились восвояси.

Игорь же Святославич, будучи в то время у половцев, так говорил: "Я за дела мои воспринял поражение от повеления твоего, владыко господи, а не поганская дерзость сломила силу рабов твоих. Не жаль мне принять за свое зло все, что нужно, я и воспринимаю..."

Половцы же будто стыдились воеводства его, не творили ему пакости, но приставили ему 15 сторожей из сынов своих и господских пять, а всего 20. Но волю ему давали: где хочет, там и ездит и с ястребом охотится. Сторожа же те его слушались и честь ему оказывали, где пошлет кого, — беспрекословно исполняли повеленное им. Попа же привел из Руси к себе со святою службою: не ведал божьего промысла, но собирався там долго быть.

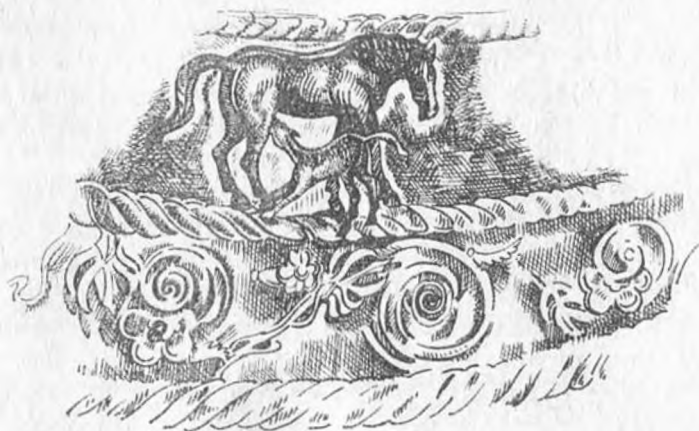
Но избавил его господь за молитву христианскую: о нем же многие печаловались и проливали слезы за него. Будучи у половцев, встретил он там мужа половчина именем Лавор, и тот принял мысль благую и сказал: "Пойду с тобою в Русь." Игорь же сперва не имел веры к нему, но держал мысль высокую юности своей, замышляя бежать с русским пленным и говоря: "Я славы для не бежал тогда от дружины и ныне не славным путем не могу пойти." С ним ведь был тысяцкого сын и конюший его, и те понуждали его, говоря: "Пойди, княже, в землю Русскую, если восхочет бог избавить тебя."

И не выдавалось ему время такое, какого искал. Но как сказано прежде, возвратились от Переяславля половцы, и сказали Игорю думцы его: "Мысль высоку и неугодну господу имеешь в себе, ты

ищешь взять русского мужа и бежать с ним, а о том не догадываешься, что приедут половцы с войны и, ходит слух, убьют князя и нас, и всю русь. Да не будет тебе ни славы, ни жизни. Князь же Игорь принял в сердце совет их, испугался приезда их, и решил бежать.

Нельзя было ему бежать ни в день, ни в ночь: имел ведь сторожей, стерегущих его. Но только нашлось время такое на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, говоря: "Переезжай на ту сторону Тора с конем поводным." И так условился с Лавром бежать в Русь. В то время половцы напились кумыса, а было при вечере, и пришел конюший и поведал князю своему Игорю, что ждет его Лавор. Он же встал ужасен и трепетен и поклонился образу божию и кресту честному, говоря: "Господи, сердцевидец! Не спасешь ли ты меня, владыко, недостойного?!" И взял на себя крест и икону, и поднял стену, и вышел вон. Сторожа же его играли и веселились, а князя считали спящим. Он же пришел к реке и перебрел, и сел на коня, и так пошел сквозь вежи. Это избавление сотворил господь в пятницу вечером.

И шел пеши 11 дней до города Донца, а оттуда пришел в свой Новгород, и обрадовались ему. Из Новгорода пошел к брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовался ему и помощь ему дать обещал. Игорь же оттуда ехал к Киеву к великому князю Святославу, и рад был ему Святослав. Также и Рюрик — сват его.

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, АВТОР

...с любопытством и благоговением

А.С.Пушкин

Сравнивая "Слово" с русскими былинами и сказками, старинными песнями южных славян, найдем много общего по форме и по духу. А от некоторых его образов веет совсем глубокой древностью: Хорс и Стрибог, Карна и Див — эти таинственные существа обитали в славянском сознании гораздо раньше Святогора богатыря и Микулы Селяниновича.

Не трудно, однако, понять, что архаика — всего лишь способ поэтического отображения вполне реальных событий, происходивших в описываемые времена. Для нас, ныне живущих, такая историческая отдаленность художественных образов в сочетании с высочайшим, как убедимся далее, совершенством строя поэмы — это неоспоримое свидетельство существования в прошлом мощного пласта дохристианской русской поэзии, забытой напрочь и даже не подозреваемой в наш просвещенный век.

А с другой стороны, если вжиться неспешно в мир героев "Слова", поставив во главу угла важнейшие, глубинные свойства человеческой природы, то начинаешь во многом воспринимать его почти как современное произведение. Конечно, средневековый автор писал свои чудные строки на бересте или кусках выделанной телячьей кожи, теперь же, при подготовке переиздания, они воспроизводятся на экране персонального компьютера. Однако, обстоятельства такого рода, как бы они ни были значимы и многочисленны, не должны заслонить от нас самого главного: основные проблемы человеческого бытия для тех, кто "живет и мыслит", остались по существу неизменными.

Как сохранить отечество от внутреннего разлада и внешних опасностей? Как выстоять в трудный час, не поддавшись слабости, принять своевременное и спасительное решение? Как научить детей самостоятельности и смелости в жизненной борьбе, уберечь их от бед и ошибок? Как объяснить людям свои неудачи, особенно если они привели к роковым последствиям? Эти вечные вопросы встают перед нами так же, как вставали они перед Игорем Святославичем. Каждый разрешает их сам в соответствии со своим разумением и возможностями, но размышляя над "Словом", проникаясь его мыслью и духом, мы учимся ответственности перед людьми и Богом, умению высказать многое несколькими словами или просто молчанием, приходим к осознанию своей самой непосредственной причастности с прошлым своим народом, а значит, — и с его будущим.

Мысленно перенося себя из нашего основательно замусоренного информационного пространства в далекие времена средневековой Руси, полезно знакомиться с первоисточниками — дошедшими до нас материальными предметами, записями очевидцев и историков того времени. Вот француз Роберт Мэсси пишет о женитьбе короля Генриха I на дочери Ярослава Мудрого Анне: от русской княжны, покидавшей родной Киев, требовалась определенная жертва, чтобы оставить находившийся тогда в расцвете город и выйти замуж за представителя более примитивной французской культуры. Анна подписалась под брачным договором, в то время как ее жених смог только нацарапать крестик.

Содержание многочисленных берестяных грамот, находимых археологами в Новгороде и других городах, наглядно и достоверно свидетельствует, что грамотность была широко распространена на Руси. Для более узких кругов людей, особенно из высших слоев русского общества того времени, будет уместнее говорить не о грамотности, а о *высокой и разносторонней образованности*. Эти люди создавали великолепные храмы, города и государства, писали книги и собирали библиотеки, поддерживали культурные и политические международные связи. В те годы во многих русских городах велись обширные своды летописей, дошедшие до нас лишь своей частью, а в большей части погибшие при вражеских нашествиях и по другим причинам в далекие и не столь уж отдаленные времена.

Совсем недавно, в 1983 году, во Пскове неподалеку от Спасо-Мирожского монастыря была найдена старинная печать, которую историки В.Д. и С.В.Белецкие определили как принадлежавшую именно Игорю Святославичу. Высказано предположение, что в юности он был псковским князем. Согласно мнению Л.А.Творогова, судьба рукописи "Слова" также связана с этим городом: вначале она была переписана во второй половине 13 века в псковском монастыре, а затем в 1510-1512 годах был сделан новый список, попавший в конце 18 века в руки А.И.Мусину-Пушкину от архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля. Надо полагать, были и другие списки: "Слово" активно использовалось авторами известных произведений русской средневековой литературы. Явными заимствованиями из него изобилует написанная на рубеже 14—15 веков повесть о Куликовской битве "Задонщина". Такого же рода соответствия можно обнаружить и в "Повести об Азовском осадном сидении донских казаков" (вторая половина 17 века).

Различные признаки неразрывной естественной связи с общим литературным процессом на Руси и вне ее наблюдаются и в противоположном направлении хода времени. Читая старинные произведения, созданные до конца 12 столетия, т.е. до времени написания "Слова", лучше понимаешь глубокие трезвые и суровые суждения автора, выражаемые им в предельно сдержанной и дели-

катной форме. Отдельные же высказывания, положе, прямо откликаются на мысли предшествующих автору писателей и, вместе с тем, как это ни удивительно, на события, совершающиеся на наших глазах в нашем так называемом цивилизованном обществе. Читателю будет небезынтересно сравнить выделенные курсивом слова поэмы в строках 274-278 (по введенной в предлагаемом здесь прочтении искусственной нумерации) с диалогом в книге Платона "О государстве", где обсуждается согласованность мнений граждан государства о том, что "моё", а что "не моё".

Приведенная здесь былина о Микуле Селяниновиче (в прочтении составителя) дает возможность сопоставить крестьянскую поэзию того времени с произведением, написанным прежде всего для княжеской и боярско-дружинной среды: их противоположная идеологическая направленность не мешает видеть общность художественной основы.

С каждым новым обращением к "Слову", к материалам, что-то в нем открывающим, приходит радость познания все большей глубины его пространства, многозначности и тонкой обусловленности частей, слов и отдельных букв. Мы читаем о *гласе* Ярославны и *голосах* девиц на Дунае, о *Владимире* (Мономахе) и *Володимире* сыне Глебовом, о *Софии* Киевской и *Софее* Полоцкой, об *Овлуре* и *Влуре* — одном лице, спутнике Игоря. Тут и краткие старославянские формы высокого стиля, и вольная игра большого мастера слова колоритами местного произношения, и сокращенные варианты с целью соблюдения размера стиха.

А сколько смысловых оттенков имеют слова "*трудная повесть*"... Она писалась действительно трудно и долго, если судить, сопоставляя ее события с фактами реальной истории, если учесть строго выдерживаемые количественные свойства, согласованные с тонкими смысловыми нюансами. Эти *трудности* должны были увеличиться совсем в ином — психологическом плане, если повесть писал сам Игорь Святославич.

Автор называет свое творение и *песнью*. Повесть и вместе с тем песнь естественно называть поэмой, хотя произведение это никак не укладывается в рамки простого однозначного определения его жанра. В нем сочетается политическая заостренность и нежная лирика, злободневный полемический сарказм и широкий охват многовековых исторических пластов: отзвуки скифского кочевого могущества, явное знание времен расцвета Римской империи при Траяне, память о борьбе Буса против готов и точное описание отношений между русскими князьями в 11-12 веках.

Время и обстоятельства создания "Слова о полку Игореве", личность автора и отношение его к главному герою и в наши дни служат предметом споров, разных "смелых" гипотез, вплоть до теперь уже ненаучных и недобросовестных попыток вновь подвергнуть сомне-

нию подлинность поэмы. Находятся, иногда небесталанные, авторы статей и книг, выдвигающие тяжкие обвинения Игорю и даже приписывающие ему "дьявольские черты".

Вместе с тем, в течение 800 лет идет созидательная работа осмысления и восприятия "Слова", перевоплощения его в новые формы и образы, благодаря которой чудные звуки этой старинной песни вьются в родном многоголосии русской словесности, придавая ему духовное единство и прелесть первоизданности:

Синие горы Кавказа, приветствую вас!
Вы взлелеяли детство мое.
Вы носили меня на своих одичалых хребтах,
Облаками меня одевали...

М.Ю.Лермонтов

"Слово" написано на русском языке 12 века, однако, при некоторой настойчивости его текст может быть в общих чертах понят всяким, кто знает современный народный русский язык.

Разумеется, большие затруднения вызывают "темные места", спектр толкований которых необъятно широк. Встречаются и знакомые слова, имеющие ныне иное значение. Так, следует со всей определенностью отметить, что столь часто употребляемый эпитет "поганные" имел в те времена только один смысл: *безбожники*. В "Повести временных лет" находим точное определение: "...кривичи и прочие поганные, не ведающие закона божьего, но творящие сами себе закон".

Основные же трудности восприятия связаны не с языком, а с нашей неспособностью приобщиться к мироощущению людей того сложного и сурового времени, с наличием неизвестных нам обстоятельств их жизни. Но дело не безнадежно: история сберегла немало свидетельств прошлых событий, и в их числе некоторые сведения о князе Игоре и его близких. Вот, например, надпись на стене Софийского собора в Киеве: "Се была многопечальная Андреева сноха, Ольга сестра и Игорева и Всеволожа." Речь идет о родной сестре Игоря, вышедшей замуж за князя Владимира из Дорогобужа на Волыни, которую после его смерти недруги ограбили и выгнали из дома. Более двух недель она не могла похоронить умершего.

Главным источником знаний об описываемых событиях, их взаимосвязи или же причинной обусловленности остается само произведение и близкие к нему летописные записи при условии их обязательного критического осмысления и сопоставления с другими данными. Так например, возможности Святослава Киевского в отражении половецкой агрессии после гибели Игоря войска и сама занятая им позиция тракуются в "Слове" и летописной повести об этом походе совершенно различно. И действительно, есть определенное противоречие между заявлением великого Киевского князя о

том, что он намеревался "притомить поганых", собрав уже для этого войско, и его неспособностью организовать защиту своих рубежей: пришлось звать на помощь Давыда из далекого Смоленска и долго рядиться, чем и как тот может помочь.

Некоторые летописные высказывания и даже критическое отношение автора "Слова" к решению молодого князя отправиться в тот роковой поход вряд ли могут служить достаточным основанием утверждения о легкомыслии князя. Естественно, после неудачи, как говорится, задним числом, когда выявились скрытые на момент принятия решения обстоятельства, оценка этого решения может быть совсем иной. Но заглянуть в будущее невозможно, "слова божьего никто же не весть", и справедливое суждение о человеке учитывает не только конечные результаты, но также его намерения и его действия во время проведения их в жизнь. "Сей муж, своего ради постоянства, любим был у всех, он был муж твердый", утверждает об Игоре запись, сохранный В.Н.Татищевым.

Тьмутараканское русское княжество, как принято считать, было создано на землях Предкавказья и Крыма в результате походов Святослава Игоревича шестидесятых годов 10 века и активной политики, проводимой в Крыму Владимиром Святославичем. Есть, однако, сведения арабских и иных источников, что русские и раньше жили на Нижнем Дону, в Приазовье и Крыму. Подтверждением этому может служить, например, запись в "Истории" Льва Диакона о Киевском князе Игоре Старом, возвратившемся (после своего тяжкого поражения под Константинополем в 941 году) в Боспор Киммерийский, т.е. к Керченскому проливу.

В 1023 году Мстислав построил в Тьмутаракани церковь Богородицы в благодарность за победу над Редедей. В 1083 году туда вернулся с молодой женой из Византии известный Олег Святославич, дед Игоря, правивший этой землей в течение последующего десятилетия. Сохранились надписи на печатях князя и княгини: "господи, помоги Михаилу (христианское имя Олега), архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии", "господи, помоги рабе твоей Феофану, архонтисе *Росии*". Согласно арабскому географу аль-Идриси, *Росия* (*Руссийя*) — это город в 27 милях от Матрахи (Таматархи, Тьмутаракани). Древний город Тьмутаракань "большой и заселенный, имеет много областей, обширные и благоустроенные селения..."

Ко времени Игорева княжения эти земли были отрезаны от Руси половецами. С потерей Тьмутараканского княжества были перекрыты важнейшие торговые пути: сухопутный — на Кавказ, а далее на Ближний и Средний Восток, и водный — по Дону, Азовскому и Черному морям. Тучные кони воинов Игоря, упоминаемые в записях Киевской летописи о его походе, очевидно, предназначались для долгого трудного пути, а не для кратковременного набега на ближние половецкие кочевья.

Следует также помнить, что сама Тьмутаракань и во время похода не была половецким городом. Даже в 1237 году по свидетельствам европейских путешественников там были князь и народ, называвшие себя христианами.

Судя по всему, обстановка для попытки пройти в Тьмутаракань выглядела тогда благоприятной: приднепровские половцы были разбиты дважды, в 1184 году и ранней весной 1185 года. Уверенность Игоря в благополучном исходе предприятия проявляется, в частности, в том, что он взял с собой в воспитательных, конечно, целях, совсем еще юного сына Олега. Конечный участок пути Игорева войска определяется исследователями по-разному. Создается, однако, впечатление, что увлечение деталями поисков как-то отодвигает из поля зрения главные сведения, которые никак нельзя исключать из рассмотрения. Названия крупных рек сохранились до наших дней, по маршруту похода — это Донец и Дон, в летописи говорится, что после соединения со Всеволодом Игорь пошел к Сальнице. Учитывая постоянно подчеркиваемое направление "къ Синему Дону", "къ Дону Великому", эту Сальницу надо искать в нижнем течении Дона. Вернее всего это теперешний Сал, хотя до него, повидимому, русичи не дошли.

Обстоятельства, вызвавшие сбор войск почти всех половецких ханов у места ночевки Игорева войска после первого сражения, до сих пор не вполне ясны. Это могла быть сложная игра политических сил русских княжеств, Византии и половецких объединений.

Здесь уместно несколько уточнить представления об отношениях русских с половцами. Проповедуемый иногда пафос непримиримой борьбы с ними не подкрепляется основательными исследованиями современных историков. Не закрывая глаза на бедствия, приносимые набегами половцев, следует помнить и об огромном ущербе, причинявшемся междоусобными войнами самих русичей, а также о не менее драматичном противостоянии агрессивным устремлениям других соседей.

Исторически сложилось так, что в течение тысячелетий восточнославянские союзы племен осваивали земли Среднего Поднепровья, Причерноморья и Приазовья, между которыми лежат степные пространства, периодически занимаемые кочевыми народами, волна за волной приходившими сюда из необъятных азиатских просторов. Скифы, савроматы, гунны, обры, хазары, арабы, угры, болгары, печенеги, половцы... Эти нашествия временами прерывали поступательное развитие славянских народов, влекли переселения части их племен иногда на тысячи километров. Бескомпромиссная война с половцами с позиций большой стратегии вряд ли имела смысл: на смену одним приходили новые, не менее беспокойные, соседи. Считая степняков "общими врагами", русские князья самой жизнью вынуждаемы были вступать с их ханами в мирные и даже

родственные отношения. Так, Киев традиционно бывал в союзе с торжанами, а Чернигов с половцами. И в поэме призывы к борьбе с последними звучат из уст прежде всего киевского князя.

Спустя три десятка лет дети русских и половецких князей, героев "Слова", участвовали в совместной борьбе против нашествия войск Чингиз-хана. Достаточно красноречивы сами их имена: Мстислав Романович, Мстислав Святославич, Юрий Кончакович, Данила Кобякович...

Пространственный размах воображения автора поэмы охватывает противостояние Руси со всей великой степью: это отражено и в буйстве Хиноев, и в кличе Дива, обращенном прежде всего к *земле незнаемой*, ближе которой расположены уже "знаемые" Поволжье, Поморие и Посулие. Именно в таком масштабе автор воспринимает значение похода и поражения.

Утрата Русью Тьмутараканского княжества ослабила ее экономически, исключила возможность более ранних контактов с татаро-монголами, а эти контакты могли бы привести к совсем иной политической и стратегической обстановке. Во всяком случае, из летописей известно, что именно *незнание* тактики, намерений и возможностей противника было одной из причин поражений князей в борьбе с полководцами Чингиз-хана и Батыя.

Великие бедствия, постигшие Русь через три десятилетия после написания "Слова", уничтожили значительную часть ее культурного наследия, на шесть столетий отодвинули, или, быть может, прервали наступление золотого века русской литературы. Во всяком случае представляется очевидным, что высочайший уровень литературного мастерства автора средневековой поэмы восстановился только в произведениях Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Утрачен и Черниговский летописный свод, в создание которого внес свой вклад Игорь Святославич. Тем не менее, сохранившаяся в Киевской летописи повесть позволяет нам установить "момент истины", проследить какие решения принимал Игорь в самые ответственные мгновения своей жизни, оценить его характер, качества его личности. Как там сказано, Игорь долго не решался на побег, следующим образом отвечая своим близким:

"Я, славы для, не бежал *тогда* от дружины

И ныне не славным путем не могу пойти"

Это высказывание свидетельствуют о каком-то моменте, когда бежать *от дружины* имело для князя смысл даже при его высоких представлениях о чести. Попытаемся восстановить ход событий, опираясь на сведения из летописи и "Слова".

В ночь после легкой победы Игорь Святославич, уступив настоянию племянника и брата, не уводит войско дальше, а остается на ночлег, вполне сознавая, что рискует быть окруженным. Вряд ли со

стороны Игоря это была беспечность из-за упоения успехом, ведь ни он сам, ни Всеволод со своим полком не принимали непосредственного участия в бою. Дело, повидимому, в том, что русичи владели эффективной тактикой сражений с кочевниками, имели хороший опыт и соответствующее вооружение, так что само по себе близкое присутствие половецких войск было сопряжено со вполне допустимым риском.

Утром, увидев половецкие полки, стоящие вокруг *аки боры*, Игорь приказал спешиться всем, и соорудить *боронь* — легкие оборонительные сооружения из подручных средств. Повидимому, он рассчитывал выдержать первый натиск, а затем при активных вылазках изыскать возможность продвинуться к приречным зарослям и оторваться от противника. Однако половцы, имея многократное численное превосходство, сумели удержать русских окруженными в безводной степи в течение всего дня и ночи.

В затянувшемся сражении, а для полков молодых князей наступали третьи сутки почти непрерывного боя, особое значение имела возможность подвоза половцами новых стрел и свобода маневра. Пуская стрелы под ветер, они увеличивали дальность их полета и сокращали убойную силу редеющих ответных стрел русичей. Рано утром снялись с позиций и побежали, нарушив оборонительную структуру русского войска, конные воины вспомогательного полка, приданного Игорю его двоюродным братом Ярославом Черниговским, так называемые ковуи.

Игорь, снявши шлем, чтобы его можно было узнать, поскакал догнать их и воротить. Киевский летописец, не страдающий излишней симпатией к Игорю, но вполне объективно описавший его пленение, точно отмечает момент, когда он остановился на миг, осознавая опасность отдаления от своих воинов, но потом поскакал дальше, полагая, повидимому, восстановление обороны единственным шансом на спасение.

На обратном пути, еще раньше серьезно раненный в руку, он увидел скачущих наперехват половцев. И настал для Игоря князя миг тяжелого выбора: бежать *от дружины*(!) или же пытаться вернуться к ней почти без надежды на успех. Он выбрал последнее, а уж дальнейшее было для половцев, как говорится, делом техники: для одиночного тяжеловооруженного рыцаря имелись арканы и другие средства.

Игоря упрекают и за то, что в молодости он участвовал в междоусобных стычках, и даже спасался в одной лодке с Кончаком. Однако, как справедливо отмечает В.А.Чивилихин, в те времена в этом не было ничего необычного, важно другое: сам он ни разу не приводил половцев на Русь, организуя походы против них как до, так и после неудачной битвы и плена. От памятной записи о том, что Игорь Святославич отбил у Кончака в 1174 году на реке Лтаве плен-

ных и имущество, награбленное тем при набеге на Киевскую землю, ведет отсчет своих лет город Полтава.

После смерти своих двоюродных братьев Святослава Киевского в 1194 году и Ярослава Черниговского в 1198 году Игорь стал Черниговским князем и первым — по возрасту и наследственному праву — претендентом на великое Киевское княжение. Однако он не домогался этого престола силою, вел умеренную политику, охраняя и устраивая свое обширное государство, одно из крупнейших в средневековой Европе (от Гомеля и Полтавы до Коломны). Считают, что во время его княжения была построена стоящая и поныне церковь Параскевы Пятницы в Чернигове.

Прадед его великий Киевский князь Святослав Ярославич, один из авторов "Русской правды", был большим книжником, который "являлся пред боярами, аки новый Птолемей". Для него был составлен известный *Изборник Святослава* 1076 года — одна из немногих дошедших до нас подлинных книг 11 века, содержащая, кстати, пространное жизнеописание Александра Македонского. Последний факт лишает оснований утверждение некоторых исследователей о том, что под *Трояном* в "Слове" следует понимать некое божество, а не широко известную и в древнем и в средневековом мире историческую личность эпохи, приближенной к нашим временам почти на полтысячелетия по сравнению со временем Александра. В этом может быть лишь та доля правды, что римские императоры после смерти объявлялись богами. "Увы, кажется, я становлюсь богом", — пошутил перед смертью император Веспасиан.

Отец Игоря княжил сначала в Великом Новгороде, а затем в Чернигове, это ему Юрий Долгорукий написал письмо, в котором впервые упомянута будущая столица России: "Приди ко мне, брате, в Москов". В Уставной грамоте князя Святослава Ольговича перечислены новгородские погосты Русского Севера: Приладожья, бассейна Онеги, Северной Двины... Его вторая жена, мать Игоря — знатная новгородка. Церковники Великого Новгорода заявили князю Святославу, что он недостойн взять ее в жены, и отказали в венчании, пришлось прибегнуть к услугам своего домашнего попа. Спустя около двух десятков лет, сразу после неожиданной смерти мужа, княгиня была отправлена из Чернигова в Новгород Северский вместе с сыновьями, среди которых был и четырнадцатилетний Игорь: их двоюродный брат Святослав Всеволодович (будущий великий Киевский князь, произносящий в поэме "золотое слово") решил завладеть Черниговским княжением, а заодно, по некоторым сведениям, и имуществом родственников.

Реальные отношения между русскими князьями так или иначе сказываются на отношениях героев "Слова". Чтобы правильно понять последние, надо знать остающиеся "за кадром" взаимоотношения прототипов. Достаточно глубокое понимание при-

дет только лишь при знании того, чья трактовка событий расставляет действующих лиц, определяет их поведение. "Кто ж автор песни, как решить, не споря?" Последуем мудрому совету Расула Гамзатова и попытаемся обсудить этот вопрос, заданный им, однако, по иному поводу.

Обратим внимание на следующую примечательную особенность: при всем эпическом размахе, широте охвата географического и иного материала, "Слово" в определенном смысле оказывается как бы семейным произведением. Наряду с безусловно положительным отношением к самому Игорю, выраженным обращениями Всеволода, Ярославны, Донца, мы находим точные добрые и душевные слова о его жене, сыновьях, брате, женах брата и сына. Упомянуты все предки князя по отцовской линии вплоть до пращура Владимира Святославича.

Даже покойного старшего брата Олега косвенно упоминает Всеволод, обращаясь к Игорю в момент солнечного затмения: "Один брат, один свет-светлый — ты, Игорь! Мы оба — Святъславичи." В этой, на поверхностный взгляд малозначащей, фразе и боль утраты, и выражение любви к ставшему теперь старшим Игорю, и призыв к воинам в этот роковой час, когда "померк солнца свет", довериться своему светлomu князю. Здесь и гордость славными предками: почти все они были (см. родословное древо) Святославами либо Святославичами. Такое многоцветие смысла и оттенков его постепенно раскрывается при чтении всей поэмы, одаряя сознанием приобщения к чудесной гармонии и богатству.

Представляется бесспорным, что тщательно подбирая и анализируя разнообразные нюансы смысла, автор не мог быть небрежным к возможностям их превратного толкования. Первая фраза произведения, ее заглавие, вполне естественно может быть понята как определение жанра — *слово*, предмета описания — *полка*, т.е. войска и, вместе с тем, похода Игоря, и автора этого "Слова" — *Игоря сына Святъслава внука Ольгова*. Разумеется, последние слова можно понять и как пояснение, о каком именно Игоре идет речь. Этот второй смысл тоже вполне осознанно использовался автором, доказательством чему служат строки 171-172, где применен тот же прием. Однако, сказанное вовсе не может отменить первый (более приоритетный для заголовка поэмы) смысл. Да и независимо от приоритетов автор не мог пренебречь возможностью такого понимания и, во всяком случае, постарался бы как-то снять эту возможность, если бы не считал ее допустимой. На деле же происходит обратное: в строках 5-6 автор почти повторяет слова заголовка, как бы приглашая тех, кто понял их в одном смысле, воспринять и другой.

Такой стиль заглавия с указанием имени автора в родительном падеже после её названия был достаточно распространён. Интересно

отметить, что именно так озаглавил свою книгу о божественной литургии великий знаток и поклонник "Слова" Н.В.Гоголь.

По форме же, повествование ведется от имени чтеца или певца, так что князь упоминается в поэме в третьем лице. Лишь в строках 245-246, обращаясь к самому безотрадному мигу битвы — моменту своего поражения как бойца и как полководца, он не выдерживает роли и от первого лица делится печальными воспоминаниями, преследующими его бессонными предутренними часами в течение оставшихся семнадцати лет жизни.

С этой старой гипотезой об авторстве Игоря Святославича хорошо согласуется и стоящее особняком обращение к Ярославу и Полоцким князьям (строки 519-528). Участие Новгородского князя Ярослава Владимировича в коалиции против Ольговичей, упоминаемое в летописях, вполне объясняет высказанные Игорем упреки.

Сопоставление летописных сведений, дат смерти Буй Тура Всеволода (1196 г) и Святослава Киевского (1194 г.), а также времени утраты Ярославом Новгородского "стола" в 1198 году подводит к заключению, что "Слово" было в основном завершено где-то в середине последнего десятилетия 12 века.

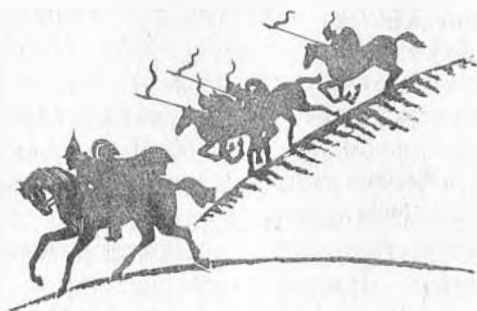
Возвращаясь к вопросу об авторе, вспомним точно выраженную мысль Н.М.Карамзина: "Слово о полку Игореве" сочинено в 12 веке и, без сомнения, мирянином: ибо монах не позволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные". В.А.Чивилихин добавляет, что и любой человек, не обладающий большой властью, обеспечивающей независимость, вряд ли смог бы решиться на написание языческого по многим признакам произведения во времена воинствующего распространения христианства на Руси и по всей Европе. Думается, что ювелирная работа по согласованию смысла и размеров стихов, смелые обращения к могущественным главам русских земель, глубокие экскурсы в историю — суть свидетельства поистине княжеского досуга, достоинства и кругозора.

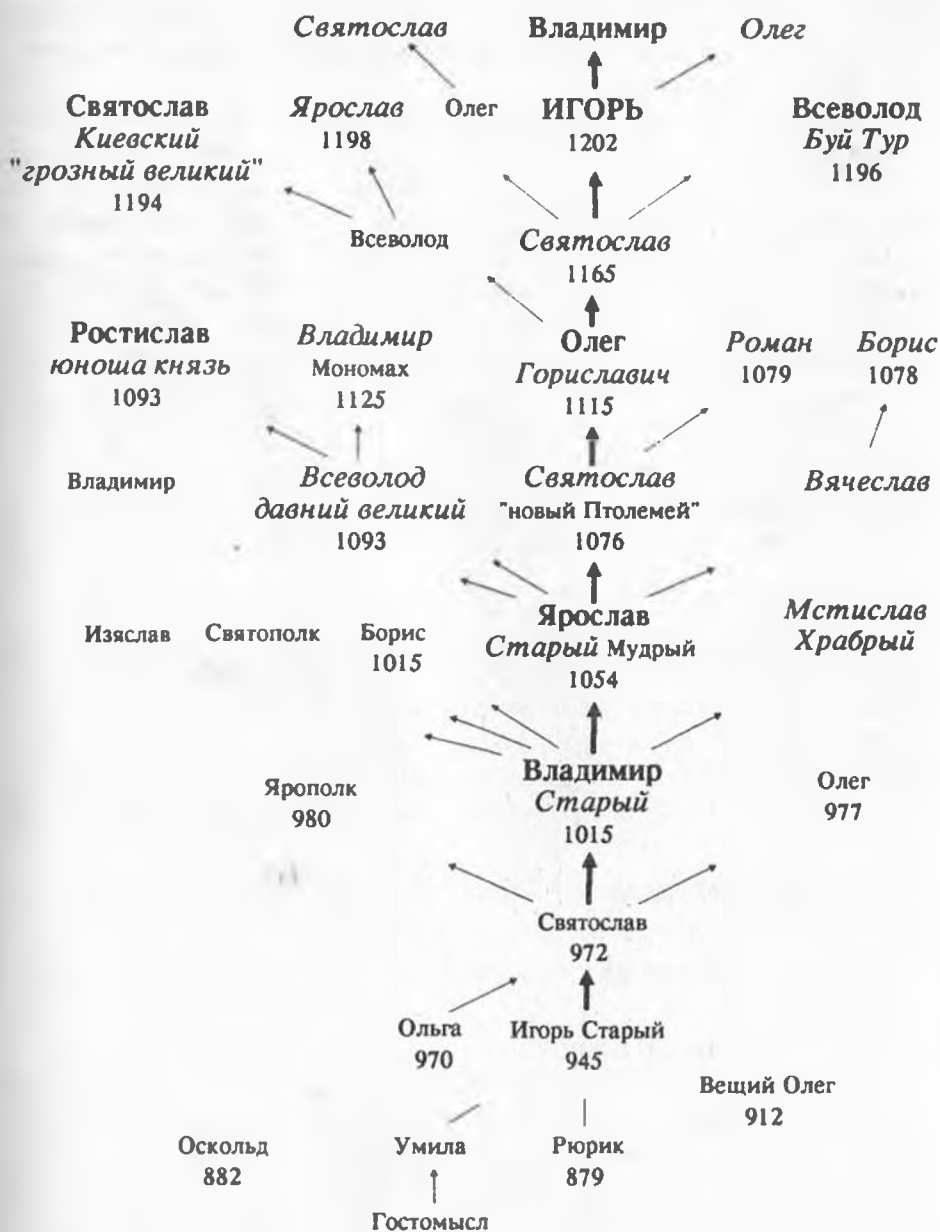
— Славянский народный дух поэмы, отсутствие обращений к Христу, древние боги в качестве персонажей не означают непременно, что автор не был христианином. Во всяком случае примечательно, что вышел Игорь в поход 23 апреля, в день святого Георгия Победоносца, а Георгий — христианский эквивалент его имени. Эти обстоятельства и, в частности, мужественное и трезвое отношение князя к факту солнечного затмения перед выходом в половецкую степь, указывают на сложность и вместе с тем цельность его мировоззрения. Надо полагать, Игорь Святославич сумел соединить и примирить в своей душе и заповеди православной веры и поэтический мир скифо-славянской мифологии, и здравый народный смысл.

Светлый психологический настрой поэмы при всем трагизме многих ее сцен и драматизме общей ситуации, мягко иронично, но

проникнутое глубоким сочувствием отношение к главному герою хорошо согласуются с версией написания ее самим Игорем Святославичем в его более зрелые годы спустя несколько лет после тех незабываемых событий.

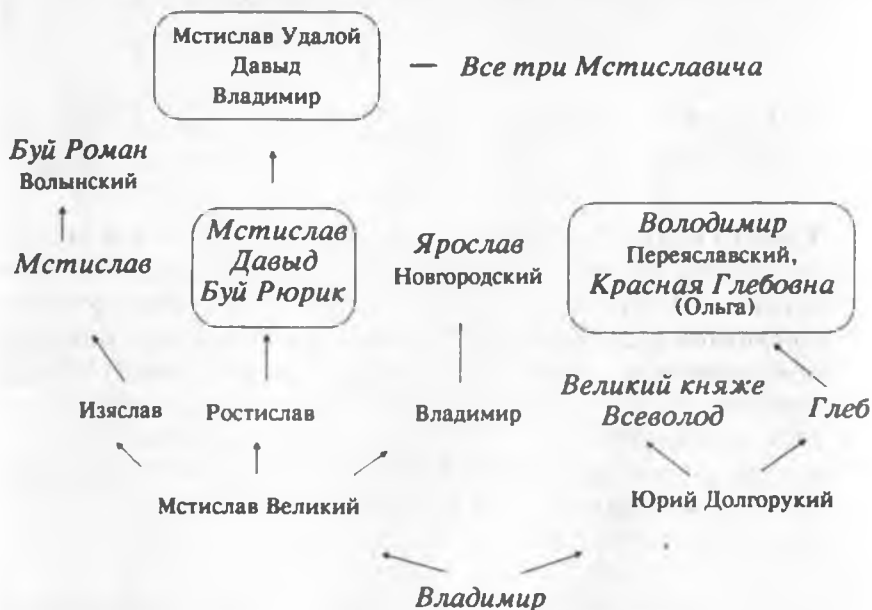
Повидимому, единственное веское возражение против авторства князя состоит в следующем: тогда получается, что в конце поэмы он провозглашает славу самому себе. Однако то, как именно это сделано, опять-таки показывает, что как раз Игорь и мог написать такую концовку, предвидя возможность подобного упрека: изящный прием позволил ему обойти прямое восхваление и, тем не менее, выполнить требование жанра героической песни — воспеть славу главным героям. Для этого оказалось достаточно единственного слова *потом* (!): в этом "Слове" описывался поход Игоря, но воспевались *старые* (т.е. прежние либо старшие по положению) князья, а *потом* будут петь славу и молодым.

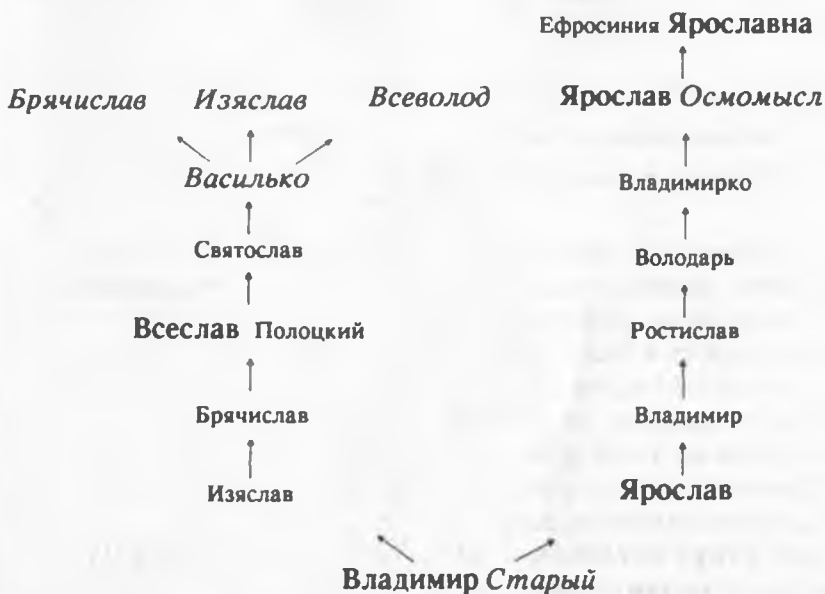

РОДОВОЕ ДРЕВО ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ "СЛОВА"

Курсивом указаны князья, прямо упоминаемые в поэме, жирным шрифтом - упоминаемые неоднократно. Стрелки связывают родителей и детей, числа указывают годы смерти. Древо не полно.

ПОТОМКИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ВЕТВИ ПОЛОЦКИХ И ГАЛИЦКИХ КНЯЗЕЙ

АЛГЕБРОЙ... ГАРМОНИЮ

*Где мысль, проникновенная издревле,
настороженный ратный острый слух?*

Сергей Поделков

"Слово о полку Игореве"... Последовательность знаков его рукописного текста в том виде, какой она была впервые прочитана А.И.Мусиным-Пушкиным, хранила следы событий своей загадочной шестисотлетней судьбы. А выражаемый знаками смысл запечатлел не просто повесть о неудачном походе, но память долгих тысячелетий прошлого Руси. Память ее языка и словесности, народного духа, сложного хода известной и неизвестной нам русской истории...

Как же читать это старинное письмо? Где искать ключи к тайнам его сокровенного смысла? Не поспешает подбрасывать их давно пребывающий во мгле забвения и небрежения всевидящий русский Бог.

Знаки и мысль, гармония и число... Взаимная связь этих понятий с трудом поддается строгому анализу, однако многие ее проявления хорошо известны и общедоступны. Наглядный пример тому — стихотворный размер. Его числовая основа — соотношение ударных и безударных слогов — предельно проста, устойчива во времени и может объединять поэтов разных эпох от Гомера до Пушкина так же, как и чувства героев их произведений:

" Гнев, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына..."

" Встала обида въ силах Дажь-Божа внука..."

" Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила..."

К настоящему времени открыты тонкие количественные закономерности, проявляющиеся как в текстах, так и в произведениях совсем иного рода. Эстетика древних амфор оказывается покоящейся на весьма простых геометрических основаниях. Обнаружено замечательное согласование размеров и пропорций в архитектуре Московского кремля, его соборов и в старинной планировке самого города. Математические методы успешно применяются для уточнения хронологии исторических событий, выявления авторской принадлежности произведения и для иных целей.

Как будет показано, "Слово" тоже имеет количественную структуру с положенным в ее основу "магическим" числом: *весь текст состоит из смысловых частей примерно кратных характерному универсальному размеру длиной в 119 букв.*

Современная издательская технология не побуждает писателя к подсчету числа букв, тогда как в далеком прошлом при изготовлении рукописных книг на дорогом материале такая необходимость могла существовать. Однако, надо сразу сказать, высокая точность соблюдения размера явно превышает требования экономии пергамента.

Разнообразные подсчеты букв, количественный анализ и сопоставления помогли разобраться в общих закономерностях структуры и тонких нюансах ее связи со смыслом произведения.

Чудесный квадрат

О степени сохранности оригинального авторского текста "Слова о полку Игореве" существуют весьма разнообразные мнения. Согласно самому мрачному из них он практически безнадежно испорчен. Однако, большинство исследователей считают, что основное содержание соответствует оригиналу, хотя и допускают возможность нарушения целостности книги — распадение на группы страниц от ветхости либо иных причин с последующей утратой или перестановкой некоторых из них. Уяснение характера поврежденности текста и его восстановление было бы существенно облегчено, если бы стало известно количество букв, помещавшихся на одной странице. Попытки определить его отсчитывают от работы А.И.Соболевского конца прошлого столетия, в которой он отвел на страницу оригинала 180 - 200 букв.

Используя эту гипотезу и убедительно рассказав о "вопиющих нелогичностях, которые несколько раз разрывают ткань повествования", Б.А.Рыбаков в сборнике, посвященном 800-летию "Слова", опубликовал разработанный им вариант его "реконструкции". К сожалению, представленные в этой статье результаты подсчетов недостаточно точны: общее число букв в поэме определено равным 14461, что почти на две сотни превышает истинное. Л.П.Жуковская в этом же сборнике высказывает мнение, что считать знаки по мусин-пушкинскому тексту "в целях распределения их состава потетрадно" было бы бессмысленно, причем гипотетичность таких расчетов возрастала бы по мере приближения к концу произведения.

Это утверждение выглядит очень правдоподобным, даже если допустить, что число букв на одной странице в среднем остается постоянным: случайные отклонения, которые всегда встречаются на практике, постепенно накапливаясь, могут составить погрешность, превышающую объем страницы. И все же попытки решить так поставленную задачу не бессмысленны. Избежать столь разрушительную для нашего исследования закономерность можно только двумя способами: либо придется опираться на данные по самым первым страницам, надеясь на их соответствие оригиналу, либо же попытаться доказать, что число букв на каждой странице оригинала четко

определялось смыслом и явно выраженной структурой помещаемого на ней текста. В таком случае добросовестные переписчики смогли бы сохранять размеры страниц неизменными или же помещать на одной новой странице кратное число старых. Такая структура, будучи однажды заложенной в рукописный текст, могла бы сослужить добрую службу даже при наличии иллюстраций и частичной порче текста.

Как известно, рукопись, с которой было осуществлено первое издание "Слова", исчезла при вторжении Наполеона в Москву, однако, ученых до сих пор не оставляет надежда найти другой древний список. Проведя анализ так называемой Щукинской рукописи, Н.К.Гаврюшин в том же самом сборнике утверждает, что она сделана во второй четверти 19 века со списка, отличного от приобретенного Мусиным-Пушкиным, и "...не остается сомнений, что протограф... пережил московский пожар 1812 г. и, возможно, хранится где-то и поныне."

Начальный лист Щукинской рукописи, судя по приводимому Гаврюшиным снимку, содержит рисунок-заставку и 12 строк из начала "Слова", в них — 202 буквы. Примечательно, что заглавие поэмы графически ничем не выделяется, оформлено как первая строка, лишь прописные буквы в нем несколько крупнее, чем в остальных строчках.

Из соотношения мест, занимаемых заставкой и текстом, заключаем, что на одной полной странице, не содержащей рисунков, должно быть 20 строк. Поскольку на 10 рядовых строках текста здесь уместилось 170 букв, то на 8 строках, занятых на рассматриваемой странице заставкой, могло бы быть помещено, пропорционально, 136 букв. Складываем: $202 + 136 = 338$. Конечно, нельзя делать какие-либо основательные выводы по данным об одной странице, однако заметим на всякий случай это число.

Теперь же предположим, что весь текст "Слова" составлен из примерно одинаковых по размеру единиц — это могут быть абзатцы, куплеты или страницы. Число букв в одной такой *мерной* единичной части неизвестно, а потому "ничноже сумняшесь" обозначим это число через "х".

Далее обратимся к *завершенным в смысловом отношении* частям произведения, обособить которые можно практически однозначно, бесспорно. Посчитать число букв в них не составляет проблемы, здесь будет кстати упомянуть отмечаемое лингвистами почти полное отсутствие в поэме титлов (сокращений слов). Открыв хрестоматию Н.К.Гудзия и запасясь терпением, постараемся определить такие части (назовем их стихами) и провести с ними неспешные с неоднократными проверками подсчеты.

Выделенный еще Соболевским отрезок текста "Тогда Игорь взре... испити шеломом Дону" содержит 355 букв. Песнь-отступление,

посвященная Олегу Святославичу, — 713 букв. В конце поэмы четко выделяются три главки: первая из них посвящена разговору Игоря с Донцом, вторая — погоне и диалогу половецких ханов, а третья — это заключительная часть произведения. Вот их размеры в буквах: 481, 477, 472, соответственно.

Мерная единица, если она, конечно же, существует, должна быть (с некоторыми относительно малыми погрешностями) общим наибольшим делителем всех приведенных чисел. Вычисления при помощи метода наименьших квадратов помогли найти неизвестное: $x=119$. Зная теперь это число, убедимся непосредственно, что ему почти точно кратны все перечисленные выше размеры: $355=3x-2$, $713=6x-1$, $481=4x+5$, $477=4x+1$, $472=4x-4$.

Дальнейший анализ и соответствующие подсчеты показали, что и весь текст "Слова" может быть в основном поделен на относительно завершённые смысловые части, число букв в которых кратно 119, хотя при этом в отдельных случаях встречаются и заметно большие погрешности. Так, например, авторское отступление, описывающее жизнь князя Всеслава Полоцкого, содержит 971 букву, что равно 8 мерным единицам плюс 19 букв ($971=8x+19$). Текст "Плача Ярославны" имеет наибольшую из всех погрешность в 33 буквы, примечательно, однако, что в нем содержится ровно 800 букв.

Возвращаясь к начальной странице Щукинской рукописи, замечаем, что приведенное ранее число тоже примерно кратно 119 ($338=3x-19$), т.е. рядовая страница ее протографа могла содержать три мерных части.

Во всем же тексте "Слова о полку Игореве" вместе с заглавием насчитывается 14276 букв, что почти точно составляет 120 мерных единиц:

$$14276 = 119 \times 120 - 4.$$

Эта неожиданная количественная структура текста имеет одну весьма тонкую и ещё более неожиданную особенность, позволяющую нам строго математически обосновать её неслучайное, искусственное происхождение.

Стихов единичного размера, имеющих в некотором смысле завершённое самостоятельное содержание, в "Слове" почти не встречается, а если искусственно поделить весь текст на однокуплетные стихи, то получим среднюю погрешность порядка 30-40 букв. В основном же относительно самостоятельные по смыслу части имеют размеры в три, четыре, пять мерных единиц, при средней погрешности примерно в 15 букв. Собирая эти части в главы, приходим к уменьшению погрешности примерно в два раза, а при объединении всех глав она составляет, как отмечено, всего 4 буквы.

Согласно закону теории вероятностей, дисперсия (мера рассеяния) суммы независимых случайных величин равна сумме их дисперсий. Следовательно, погрешности в соблюдении размеров дол-

жны возрастать при объединении частей, если они действительно случайны и независимы друг от друга. Их явное систематическое убывание говорит о том, что автор не только соблюдал размеры в среднем, но и, так сказать, подбивал бабки, а потом правил стихи при завершении крупных частей, придавая им нужные размеры, кратные 119.

Это некруглое и ничем не примечательное число хочется заметить на 120, но, конечно, так делать нельзя: добавление всего лишь одной буквы в мерную единицу даст заметное увеличение отклонений в крупных стихах, а при сквозном счете к середине поэмы дополнительная погрешность составит уже шестьдесят букв. И тем не менее, не верится, что автор мог избрать для расчетов число, всего лишь на единицу отличающееся от 120 — удобного, наглядно делимого на десяток и дюжину.

Учитывая традиции русского старинного книгописания, можно предположить, что на каждую часть единичного размера автором предусматривалась начальная *красная* буква, занимающая не одно, а два места, отводимых под обычную строчную букву. Красная по особому вниманию писца к ее форме и размерам, а часто и по цвету тоже. Вот тогда получим ровно 120, но уже не букв, а букво-мест в *мерной единице текста* (будем называть ее далее *условным куплетом*). Добавив теперь по одному букво-месту на каждый из 120 условных куплетов, найдем, что общее количество букво-мест во всем произведении должно быть равно

$$120 \times 120 - 4 = 14396.$$

Итак, *120 условных куплетов и 120 мест в каждом из них!* Допущение о случайности такого чудесного совпадения, да еще в сочетании с рассмотренными выше "случайностями" для отдельных стихов, представляется невероятным. Остается заключить, что автор "Слова" действительно подсчитывал точное количество букв в частях текста, соблюдая размеры в среднем и даже рассчитывая величины отклонений от среднего.

Если мысленно записывать каждый куплет в виде отдельной длинной строки, то текст "Слова о полку Игореве" приобретет строго квадратную форму, совершенство которой и сохранность в течении восьми столетий дают основание утверждать следующее:

авторский объем текста дошел до нас практически во всей полноте — ничто не утрачено и ничего не добавлено после.

Исключение могут составить только прочтения отдельных слов или букв.

Сотри случайные черты ...

Не подлежит сомнению, что автор заботился прежде всего о точном выражении смысла и о художественных качествах своей *трудной повести*. Жесткие размерные ограничения, хотя и несколько ослабленные возможностью выбора длины стиха, т.е. количества условных куплетов в нем, конечно же создавали искусственные помехи в его работе. Но ведь и не ради спортивного интереса поэт занимался столь не свойственным ему делом — подсчетом букв в каждом слове?!

Одна из причин такого увлечения арифметикой, возможно, состоит в том, чтобы сохранить стихотворную структуру в рукописной книге, где запись велась почти без пробелов и знаков препинания, при будущих ее переписках. Дальнейшая работа над формой и смыслом текста поможет нам увидеть и другие обстоятельства, которые связывают расчеты размеров стихов с замыслами автора.

Сейчас же предпримем попытку восстановить изначальный порядок текста, который, как уже говорилось, повидимому, был в ряде мест так или иначе нарушен.

Какое, например, логическое или иное объяснение можно дать сцене при дворе великого князя, когда "падеся Кобяк в граде Киеве во гриднице Святъслава", "тут немцы... поют славу Святъславу, кают Игоря князя" и тут же (!) Игорь пересаживается в седло кочевника?

Кобяк был пленен и привезен в Киев в 1184 году после похода Святослава с союзными ему князьями на Лукоморских половцев, кочевавших в низовьях Днепра. А Игорь предпринял свой поход в 1185 году и вернулся в Киев свободным в своем собственном седле. К тому же, согласно последовательности событий, обусловленной таким порядком повествования, вся Европа уже знает о поражении Игоря, а великому Киевскому князю Святославу еще предстоит увидеть свой вещий сон и получить разъяснения бояр о соответствующих ему реальных событиях.

Разумеется, неумение истолковать какое-либо место рукописи не означает непременно отсутствие в нем смысла, да и объяснение худо-бедно всегда можно придумать. Однако, развязка этой странной ситуации, осуществляемая небольшими перестановками частей текста, приведет к столь естественной и логичной картине, что, по мнению предлагающего этот вариант, трудно не поверить в ее полное соответствие собственному замыслу автора.

Перенесем строки о пленении Игоря в то место, где описывается конец битвы и поражение русичей, а затем поменяем местами хвалебную песнь Святославу и описание "мутного" сна, не отрывая последнее от толкования этого сна боярами. Теперь порядок событий таков: объяснив смысл сна и поведав о трагических последствиях по-

ражения Игоря, бояре вспоминают об удачном прошлогоднем походе, в котором участвовали и сами. Они превозносят великого князя, явно потеряв чувство меры, а уж после этого "немцы... и моравы", впечатленные столь грандиозным воинским подвигом, тоже "поют славу Святъславу" и кают неудачника Игоря.

Расположенные среди этих же строк фрагменты "рускаго злата насыпаша" и "Уныша... а веселие пониче", видимо, были составлены из обрывков двух страниц, отстоявших изначально друг от друга и от места, куда эти обрывки были приставлены, на несколько целых куплетов. Когда-то чья-то заботливая рука собирала распавшиеся листы, составляя из них единое, так или иначе осмысленное, целое!

Следы такой реставрационной работы замечаются и в расположении песни, посвященной Олегу Святославичу: конец ее очень естественно совмещается с дальнейшим текстом. Однако, начало как бы прерывает описание битвы в самом ее разгаре, а продолжение надолго отвлекает внимание читателя подробностями давно минувших событий. Представляется более уместным расположение этого отступления непосредственно вслед за описанием победы птенцов Ольгова гнезда и тревожных предчувствий князя вечером после рокового решения. В таком случае этот отрывок понимается как размышления полководца в ранние предутренние часы перед предстоящей битвой о далеком и не столь далеком прошлом его предков.

Возвратимся теперь к началу поэмы — обращению Игоря перед походом к "братьям и дружине". Возникающее при прочтении мусин-пушкинского текста впечатление, что солнечное затмение как бы повторилось во время похода, многими не признается соответствующим авторскому замыслу, и в расположение этих строк в современных изданиях нередко вносятся поправки. Предлагаемый здесь порядок изложения устраняет столь явное противоречие, при этом создается понимание текста как естественного диалога старших князей перед принятием решения — своего рода военный совет. Игорь призвал дружину к походу, а брат поддержал его добрым словом, сообщив о высоких боевых качествах своих воинов-курян.

И последнее несоответствие: взаимное величание Игоря и Донца происходит в мусин-пушкинском тексте до сцены погони и разговора половецких ханов. Получается так, что сначала Донец сообщает о "веселии" Русской земли, Игорь умиротворенно благодарит его за то, что стерег и оберегал князя на пути домой, а потом вдруг Гзак и Кончак идут по его следу, который уже давно простыл. Думается, взаимная перестановка этих, почти в точности равных между собою четырехкуплетных частей, вполне определяет их естественные места.

Кроме упомянутых ранее перемещений обрывков страниц, (в приводимом прочтении это строки 258-261 и 305-306) все перестановки совершены с частями, кратными условному куплету, т.е.

объему текста в 119 букв с типичными для таких частей погрешностями. Собственно, знание этого размера и помогало существенно сократить число возможных вариантов при поиске места для строк, смысл которых не вполне согласовывался со смыслом соседнего с ними текста, и при определении размеров самих перемещаемых частей.

В результате, все "Слово" теперь прочитывается именно как поэма, на едином дыхании. Оно уже без каких-либо исключений оказывается построенным из стихов, кратных условным куплетам. Все эти относительно самостоятельные части логически и образно связаны друг с другом: последующая как бы зарождается в предыдущей. Составитель позволил себе снабдить стихи заголовками, играющими роль дополнительного комментария, и объединить их в девять глав.

Вся поэма представлена состоящей из 720 строк. Поделив это число на 120 куплетов, найдем, что средний условный куплет должен состоять из 6 строк. Вспомнив же, что число букво-мест в нем тоже равно 120, получим среднее число мест в строке: $120:6=20$.

В предлагаемом прочтении равенствами *справа* от каждого заглавия указано число букв, непосредственно насчитанных в этой озаглавленной части, число расчетных куплетов в ней и отклонение от кратного 119 буквам (погрешность). Равенствами *в конце* каждой части ведется сквозной (накапливаемый) счет, в котором просуммированы количества букв во всех частях от начала до данного места произведения, сумма поделена на 119, чтобы узнать число стандартных расчетных куплетов, а затем на каждый такой условный куплет формально добавлено по одному букво-месту для красных букв. Приняты обозначения: стандартное число букв в условном куплете $x=119$, стандартное число букво-мест в нем $y=120$.

Примечание. В первой главе и её первом стихе засчитаны не только буквы, следующие за их названиями ("Вступление" и Пролог"), но и предшествующие им буквы, составляющие заглавие поэмы.

Предполагаемые красные прописные буквы в начале куплетов напечатаны более крупным шрифтом. Их количество было определено равным 120. Однако, следует помнить, что фактической разбивки поэмы на однокуплетные стихи нет или, если угодно, она осуществляется очень приближенно. Число условных куплетов 120 получено не прямым подсчетом, а просто делением общего количества букв 14276 на 119, причем 4 буквы оказались в недостатке.

Зададимся вопросом: а была ли даже малая погрешность в оригинале произведения, или автор довел число букво-мест до точного значения $120 \times 120 = 14400$?

Надо полагать, что завершив свой великий труд, мастер не мог не нанести последний штрих, тем более, что сделать это было не так уж и сложно.

Сознавая, что и в авторских, и в наших подсчетах букв, и при переписках рукописи в монастырях вполне возможны ошибки на две-три буквы, все же попытаемся в столь же завершенной форме представить результаты всей проделанной работы. Недостача в четыре букво-места может быть восполнена путем замены четырех обычных строчных букв на красные. Вопрос: каких именно?.

Две недостающие красные буквы из четырех естественно изобразить в двух строчках заглавия поэмы и одну — в последней, заключительной строке. Для четвертой красной буквы естественного места не находится, и поставленная задача, на взгляд серьезного читателя в общем-то вздорная, кажется неразрешимой. Но тут автор "Слова" (не в качестве ли награды за верность и настойчивость?!) преподносит неожиданный, с глубоким смыслом подарок: этого места для еще одной красной буквы искать не надо, она уже поставлена без какого-либо насилия над текстом.

Определим общее число куплетов не путем расчета, исходящего из количества букво-мест, как ранее, а прямым способом по действительно сформированным нами в поэме стихам с учетом числа условных куплетов в каждом стихе. Оно окажется равным не 120, а 121! Значит красных букв поставлено на одну больше и общее число букво-мест теперь в точности стало равным 14400.

Давайте же проследим по сквозному счету с самого начала, каким образом реальных условных куплетов оказалось на один больше, чем расчетных стандартных. Разумеется, это произошло лишь за счет уменьшения фактических размеров некоторых из них по сравнению с положенным стандартом в 119 букв на куплет:

Оказывается, во всех главах, кроме одной, не наблюдается систематического укорочения стихов: *положительные и отрицательные погрешности размеров отдельных стихов чередуются в среднем равномерно, взаимно погашая друг друга*. При этом в сквозном счете, вопреки упомянутому выше утверждению Л.П.Жуковской, погрешности не растут и имеют тот же порядок величины, что и в самих стихах.

Иное наблюдается в шестой главе, содержащей обращения Святослава Киевского к русским князьям, где имеется пять двухкуплетных стихов со значительным недобором — в среднем 17 букв на куплет. Накапливаясь и суммируясь со случайными погрешностями, общий объем недоборов оказывается к концу главы почти равным величине условного куплета. Тем самым кратность сквозного счета восстанавливается, и потом уже до самого конца поэмы общего роста суммы погрешностей не происходит.

В середине седьмой главы есть еще одно, последнее обращение (теперь уже от лица самого автора) к Новгородскому и Полоцким князьям. На подходе к этому стиху в сквозном счете получен самый большой (во всем произведении, исключая шестую главу) *избыток* в

33 букво-места. Сам же двухкуплетник (строки 519—528) имеет *недостачу* в 32 буквы, так что *после него сквозная погрешность сведена всего лишь к одной букве*. Если же объединить все двухкуплетные обращения, то суммарный недобор составит 116 букв (это всего на 3 буквы меньше стандартного размера куплета!), и шесть реальных двухкуплетников, в которых поставлено *двенадцать красных букв*, по объему текста занимают место *одиннадцати куплетов*. Таким образом получилось, что вместо 11 расчетных заглавных букв в действительности было поставлено 12.

Сосредоточение систематических недостатков букв в одной главе, а в ней — только в двухкуплетных обращениях, при отсутствии накопления погрешностей в других главах, нельзя объяснить чисто случайным совпадением. Вникая в содержание этих коротких стихов, находим в некоторых из них явные упреки князьям, да и в остальных, по форме хвалебных, нетрудно заметить изрядную долю иронии.

Это проливает свет на смысл столь скрупулезных расчетов автора и дает основание полагать, что его внутреннее отношение к персонажам, выражаемое столь осторожно и взвешенно содержанием стихов, подтверждалось структурно — числом куплетов в стихе и, сверх того, количеством букв в этих куплетах: чем больше упреков, тем больше недостача. Примечательно, что обращение к Игорю и Всеволоду, также содержащее явные упреки, выпадает из этого ряда стихов-недомерков.

Все стихи с обращениями могут быть разделены на три группы: два полных четырехкуплетника, посвященные Ярославу Осмомыслу Галицкому и Буй Роману Волынскому; не вполне определенный, поскольку содержит вводную начальную фразу, трехкуплетный стих о Новгород-Северских князьях; все остальные — укороченные двухкуплетники с упреками и призывами к другим князьям, главам русских земель. Такую взвешенность и даже скрытность в выражении своего мнения не следует объяснять слабодушием автора: те, кому эти слова предназначались, прекрасно всё понимали. Это естественная сдержанность государственного мужа, публично обращающегося к своим братьям, сегодня равнодушным наблюдателям, а завтра, быть может, — союзникам или же врагам.

Между специалистами нет единства суждений о том, где заканчиваются обращения Святослава и начинается речь самого автора. По-разному прочитывается также последнее из обращений, его иногда адресуют не Ярославу (и внукам Всеслава — Полоцким князьям), как это вполне определенно написано и в мусин-пушкинском издании, и в сохранившихся списках, а всем ярославовым внукам. Версия составителя настоящей книги по этим вопросам такова.

В начале поэмы достаточно четко выделяются первая и вторая 10-куплетные главы. Повидимому, согласно начальному замыслу, произведение должно было состоять из 12 таких равных по объему частей. Быть может и то, что здесь оформлено как шестая глава, тоже первоначально было задумано как две 10-куплетные части, отводимые для речей Святослава и автора. Однако, работа над "Словом" затянулась до смуты 90-х годов, когда вера в действенность призывов иссякла, и автору пришлось иметь дело не с "неспособием" со стороны других князей, а с самой настоящей агрессией. Смерть Святослава в 1194 году дала возможность формально представить его "злато слово" как завещание всем живущим русским князьям, создавая дополнительную степень свободы в проявлении авторского отношения к персонажам обращений и к самому Святославу. С другой стороны, чисто технические трудности (и в то же время — возможности) выражения разнообразных нюансов смысла путем варьирования размеров стихов заставили автора отказаться от четко-го разделения поэмы на десятикуплетные главы.

В результате, все обращения к князьям, кроме одного, оказались изложенными в рамках "златого слова" великого князя. Описанием великой засухи на Руси в конце 12 века и одинокого неудачного боя князя Изяслава Васильковича автор показывает, что за призывами Святослава Киевского не последовало должного действия. В следующей далее песне прадеду Изяслава Всеславу Полоцкому он подводит читателя к пониманию главной причины бессилия Русской земли. Она не в слабости русских князей, — мы видим удаль и даже сверхъестественные способности князя-чародея Всеслава — и не в агрессивности половцев. Причина в том, что нет мира и согласия между братьями, и эта мысль высказывается в обращении самого автора к Ярославу и Полоцким князьям. Здесь автор прямо, уже без иронии и обвиняков обвиняет этих князей в том, что они своими раздорами влекут насилие от половцев.

К какому же Ярославу обращается автор? Это единственное авторское обращение не может иметь адресатом какого-нибудь неизвестного князя, сидевшего в своем малом уделе. Все крупные русские земли-государства, кроме Новгородской, так или иначе упомянуты. Никаких оснований исключать Новгородскую землю или ее князя из круга внимания автора "Слова" нет, тем более, если принять во внимание, что Новгородский князь Ярослав Владимирович непрерывно сидел на весьма ненадежном и шатком "столе" этой средневековой республики более двенадцати лет (с 1186 по 1199 год). Для сравнения заметим, что сын Святослава Киевского не удержался на нем и полугода. Военными действиями Смоленского и Владимиро-Суздальского князей, вынужденно поддержанными и Ярославом, можно объяснить предъявленные ему обвинения и наименьший размер посвященного ему стиха.

Поэма писалась не во время событий 1185 года и не по их горячим следам. Эти события послужили ее автору лишь отправной точкой для выражения своих взглядов и чувств, для ясного и нелицеприятного разговора с современниками и потомками.

Столетие спустя, в 1307 году, когда Русь уже пережила самые страшные времена, а раздоры продолжались, переписчик псковского "Апостола" цитирует по памяти фразу из песни Олегу Святославичу (строки 193-195) "о княжьих которах". Эта бесценная приписка показывает, что главная мысль автора, его призыв к единению не был забыт на сохраненном от татаро-монгольского разора и европейско-католической оккупации северо-западе Русской земли, она подтверждает подлинность старинной поэмы и её высокий авторитет в мире средневековой русской литературы.

Гармония небесных сфер ?

Совершенство строения "Слова о полку Игореве" выражено не только высочайшей точностью соблюдения размеров, но также разнообразными и не менее точно соблюдаемыми признаками *симметрии*. Не в них ли тайная причина его удивительной смысловой и эстетической цельности и самосогласованности? Создается впечатление, что события излагаются следуя некоему единому космическому циклу, суточному или годовому, или же полному солнечному затмению: светлое звонкое начало, зловещее наступление и затянувшееся отступление тьмы, а в конце вновь "светится" солнце, звучит ликующая здравица.

Как утверждается в Философском энциклопедическом словаре, поэты всех времен, начиная от Скифина Теосского, увлекались представлениями о гармонии сфер. Космическая традиция в той или иной форме прослеживается у Пушкина и Лермонтова, Брюсова и Блока. Мало сказать, что автор "Слова" был одним из поэтов в этом ряду: он, не ограничиваясь чисто умозрительными образами, использовал точные количественные соотношения.

Представим мысленно весь текст поэмы написанным вдоль большой окружности, занимая ее целиком, так что начальная и конечная буквы смыкаются. Примем за начало отсчета не первую букву заголовка, а место, смещенное относительно нее на два куплета (240 букво-мест) в обратном к ходу чтения направлении. Начиная с этого места, будем отсчитывать последовательно восьмые доли общего количества букво-мест ($14400:8 = 1800$): -240, 1560, 3360, 5160, 6960, 8760, 10560, 12360, 14160.

Содержание стихов, примыкающих к разделяющим эти доли симметрично расположенным восьми точкам фигуры, обладает явно выраженными смысловыми связями (см. схему). Число, приводимое при каждом отрывке из поэмы, указывает количество букво-мест от

Солнце светится на небесах, -
Игорь князь в Русской земле.
Девы поют на Дунае,
Вьются голоса чрез море до Киева
(14160 - 6)

(12360 - 13)
Прыснуло море Полуночи,
Идут смерчи мглами:
Игорю князю
Бог путь кажет
Из земли половецкой
На землю Русскую

Хочу, рече, копые преломить
О конец поля Половецкого.
Русичи, с вами хочу
Главу свою приложити,
А любо испити шелоном Дону
(1560 - 9)

(10560 + 1)
На 7 веке Трояна
Бросил Всеслав жребий

(3360 - 3)
Были века Трояна...
Были полки Ольговы

Вступите, господа,
Въ златы стремена
За обиду нашего времени
(8760 + 1)

(5160 + 10)
Тут Игорь князь пересел
Из злата седла,
А в седло кощеево.

На реке на Каяле
Тьма свет покрыла.
(6960 - 2)

То ведь готские красные девы
Воспели на берегу Синего моря

заголовка до точки, где это число поставлено (согласно сопровождающему текст поэмы сквозному счету). Там же со знаками "+" или "-" приведены отклонения от точных расчетных значений, соседние из которых разнятся на 1800 единиц, как видим, они составляют всего лишь по нескольку букв. Конец последней восьмицы совпал с началом первой, поэтому число -240 на схеме отсутствует.

Особенно богаты и, можно утверждать, неоспоримы связи между диаметрально противоположными по расположению и по смыслу отрывками в верхней и нижней частях схемы: солнце и тьма, Киев и Каяла, пение русских и готских дев. Для горизонтального диаметра налицо явная смысловая и даже буквальная параллель: упоминание о веках Трояна и начала песен двум знаменитым князьям со схожей судьбой — правнукам Владимира Старого, познавшим взлеты и падения, победы и плен.

Справа внизу описывается момент пленения Игоря, а в левом верхнем углу — момент его духовного освобождения, за которым непосредственно следует побег. Тем самым все "Слово" разделяется на две равные части, в одной из которых главный герой в плену, а в другой свободен. Если к диаметру, производящему такое деление, провести перпендикуляр, то получим еще две противоположные точки, в одной из них — речь Игоря перед началом своего рокового похода, а в другой — первый призыв Святослава к князьям выступить "за раны Игоря".

Прочитав по часовой стрелке, начиная с речи Игоря, все восемь записанных на схеме отрывков, получим общее представление о содержании поэмы, как бы ее конспект.

Эти построения не исчерпывают признаков симметрии. Так, стихи, посвященные выходу Игоря в поход (строки 98-120) и подвигам Романа Волынского (458-481), начинаются в диаметрально противоположных строках. Оба стиха содержат упоминание о половцах, бегущих от Игоря и побеждаемых Романом (строки 111 и 469). Как показывает подсчет уже не строк, а букво-мест, слова "половцы" противоположны друг другу строго зеркально, вообще без какой либо погрешности! Подобным же образом "Плач Ярославны" является зеркальным сопровождением неудачной битвы русичей с половцами, и его содержание дополняет описание боя новыми подробностями.

Приведенные здесь свойства симметрии действительно уникальны и даже кажутся невероятными, но они могут быть удостоверены каждым, кто готов повторить описанные подсчеты. Какие из этих фактов можно объяснять гармонией эстетической интуиции автора, какие — его преднамеренным точным расчетом, а какие — редчайшей случайностью, предоставляется решать самому читателю.

Остается напомнить, что все подсчеты производились по тексту "Слова о полку Игореве" в сборнике Н.К. Гудзия "Хрестоматия по

древней русской литературе" 1973 года при сравнении с переводами и толкованиями других авторов, а также с ранними изданиями и списками. Наиболее полный набор обнаруженных признаков симметрии, так же как и наилучшее разбиение на куплеты, наблюдаются в уже перестроенном, но, разумеется, не переведенном (!) тексте. Существенного отличия количества букв в полных текстах других изданий не обнаружено, хотя разница в одну букву на крупный стих порядка десяти куплетов наблюдалась.

Особо следует сказать о фразе "*того Ольга внуку*", которая в современных изданиях приводится без слова "*Ольга*". Известно мнение, исходящее, как считают, от Н.М.Карамзина, что оно было вставлено "для ясности" при подготовке первого печатного издания. Действительно, это слово в издании 1800 года стоит в скобках, которые, однако, зачеркнуты! Учитывая общепризнанную тщательность и добросовестность работы первых редакторов и издателей "Слова о полку Игореве" и их заявления о внимательном отношении к каждой букве рукописи, представляется разумным признать маловероятность такой вставки "от себя", причем единственной во всей поэме. В связи с этим соответствующие буквы были здесь включены в расчет.

Вместо заключения

Новое прочтение в формальном плане основано на следующей исходной посылке: "Слово о полку Игореве" — это поэма, написанная белым стихом с чередованием, как и в "Илиаде", одного ударного слога с двумя безударными. Ударения и произношение слов часто не совпадают с современными и более многовариантны. Так, *Киев* прочитывается с ударением либо на первую, либо на вторую гласную, а некоторые другие слова имеют устойчивое, но отличное от современного, ударение: *Всеволод, половцы...* Это вполне естественно: Русь состояла из многих племен, и всегда были как общепринятые, так и диалектные формы, степени влияния которых на нормы литературного языка со временем изменялись.

Имя *Святъслав* сохранено в старинной записи, оно может читаться как *Святслав*, а если быть более точным, то знак "ъ" следует произносить как краткое о (так называемый "ер" старой русской азбуки). Из этих же соображений "ер" сохранен и в некоторых других местах "Слова", былин, выписок из летописей. Здесь уместно будет сказать, что изъятие его из русского письма, конечно же, обеднило как письменную, так и устную речь.

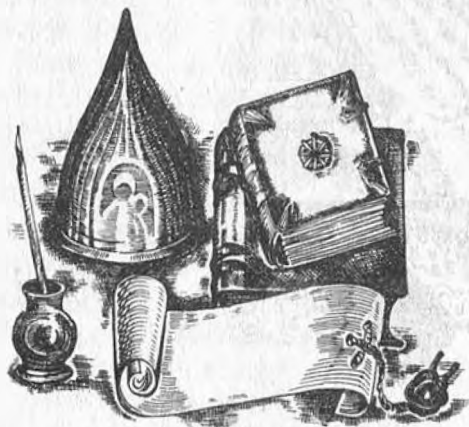
Назначение предлагаемого далее прочтения — восстановление порядка, духа и смысла оригинального текста при бережном отношении к его "букве" и в сочетании с возможно большей ясностью и доступностью для восприятия. Составитель признает как ограничен-

ность своих личных возможностей, так и принципиальную недостижимость идеала в решении этой многоцелевой задачи.

Самое лучшее, конечно, было бы не переводить с русского на русский, а представить дошедший до нас текст в восстановленном стихотворном порядке. Но средневековый язык теперь понятен далеко не всем, а "темные места" вообще, можно сказать, никому не понятны. Волей-неволей приходится давать свою трактовку, которая наверняка кем-нибудь будет оспорена. К счастью, таких мест в поэме не много, а обоснованная здесь уверенность в полной сохранности "Слова" дает надежду на то, что число желающих предлагать излишне экстравагантные толкования несколько поубавится.

Хотелось бы ещё раз напомнить о многозначности, многосторонности смысла, которая, пронизывая всю ткань поэмы, не сразу и не полностью раскрывается современному читателю. В частности, за фантастическими образами стоят как отвлеченные философские идеи, так и вполне реальные земные эквиваленты.

Обычным шрифтом напечатана часть текста поэмы, которую можно понимать как прямой рассказ об Игоровом походе, а курсивом — авторское введение и отступления, где рассказчик как бы поднимается над происходящим в его повествовании и смотрит на него, умудренный иными, давно минувшими или же только еще предстоящими для героев событиями.

Слово о полку Игореве

2 **Игоря сына Святъслава внука Ольгова** 2)

1. ВСТУПЛЕНИЕ 1181-10х-9

Пролог 618-5х+23

3 *Не лепо ли будет нам, братья,* *)
 4 *Начати старыми словесами* 4)
 5 *Трудную повесть о полку Игореве*
 6 *Игоря Святъславича?*
 7 *Начатися этой песне*
 8 *По былинам нашего времени,*
 9 *А не по замышленью Бояна.* 9)

10 **Вещий Боян-то, если кому**
 11 *Песнь хотел творить,*
 12 *То устремлялся мысию по древу,* 12)
 13 *Серым волком по земле,*
 14 *Сизым орлом под облаки!*

15 **Поминал, говорят, он**
 16 *Первых времен усобицы...* 16)
 17 *Пускал тогда десять соколов*
 18 *На стадо лебедей:*
 19 *Который догонит, —*
 20 *Та прежде песнь поёт* **)

21 **Старому Яро́славу,** 21)
 22 **Храброму Мстиславу,**
 23 **Который зарезал Редедю** 23)
 24 **Пред полками касожскими,**
 25 **Красному Роману Святъславичу.** 25)

26 **Боян же, братья, не десять соколов**
 27 *На стадо лебедей пускал,*
 28 *Но свои вещи персты*
 29 *На струны живые воскладывал,*
 30 *Они же... сами*
 31 *Славу князьям рокотали!* 625-5у+25

Столбец цифр слева — это сквозная нумерация строк. Если номер строки повторен справа, значит по ней даны пояснения в конце книги. Знаки * отмечают подстраничные комментарии, где в кавычках приводятся старинные выражения из "Слова", "Повести временных лет" и иные.

*) Лепо — уместно, красиво, кстати. **) Прежде чем погибнуть.

32 Почнём же, братья, повесть сию
33 От старого Владимира 33)
34 До нынешнего Игоря...

35 Который напряг ум 35)
36 Крепостью своєю
37 И мужеством сердца его поострил,
37 Наполнился ратного духа,
38 Навёл свои храбрые полки
39 На землю Половецкую
40 За землю Русскую.

41 *О, Бояне, соловушка старого времени!*
42 *Вот бы ты эти полки воспел...*
43 *Скача соловьём по мысленну древу,* *)
44 *Летая умом под облаки,*
45 *Свивая славы обаполы этого времени,* 45)
47 *Рыща въ тропу Трояна* **)
48 *Через Поле на горы!*

49 *Пети бы песнь — Игорю,* 49)
50 *Того Ольга внуку:*
51 *Не буря заносит соколов*
52 *Через Поле широкое,*
53 *Галки стадами спешат*
54 *К Дону Великому.*

55 *Или же так бы воспети,*
56 *Вещий Бояне, Велесов внуке:*
57 *Кони ржут за Сулою,*
58 *Звонит слава в Киёве,* ***)
59 *Трубы трубят в Новеграде,*
60 *Стоят стяги в Путивле.* 1193=10у-7

*) Поэт творчески осмысливает познанное в жизни, скача уже не по реальному, а по "мыслену древу", творит свою песнь и несёт туда, где её могут оценить, — в Болгарию, Византию, Сербию.

**) Завоевав Дакию, император Траян к югу от низовий Дуная основал в 106 году новую римскую провинцию Малая Скифия. Заметим, что племена славян, образовавшие позднее Киевскую Русь, "звались от греков Великая Скифия". Русичи же звали скифами другой народ: "Пришли от скифов, говоря, что от хазар, так называемые болгары."

***) Упоминание о победе над половцами киевского войска воеводы Нездила ранней весной 1185 года. Ржут боевые половецкие кони, оставшиеся без хозяев.

Затмение

355-3x-2

61 Тогда Игорь возрел на светлое солнце *)
 62 И видит... тьмой от него
 63 Всё своё войско прикрытым.
 64 И рече Игорь дружине своей:

65 "Братья и дружина!

66 Уж лучше б убитому быти,
 67 Нежели быть полонённым. **)
 68 А всядем, братья, 68)
 69 На своих борзых коней,
 70 Да по́зрим Синего Дону!"

71 Ум воспалило князю желанье его —

72 *Искушение Дона Великого!* ***)

73 *И страсть заступила знамение.*

74 Хочу, — говорит, — копие преломить

75 О конец поля половецкого.

76 Русичи, с вами хочу

77 Главу свою приложитьи,

78 А любо испити шело́мом Дону! 78)

1551-13y-9

Слово брата

378-3x+21

79 Игорь ждёт мила брата Всево́лода. 79)

80 И рече ему Буй Турь Всево́лод: ****)

81 "Один брат, один свет светлый,

82 Ты — Игорь!

83 Мы оба — Святъславичи.

84 Седлай, брате,

85 Своих борзых коней

86 А мои уж готовы, оседланы

87 У Курска напéреди.

*) "Возрел", т.е. пристально взглянул на солнце. Это слово как бы предваряет характеристику Игоря, "светлого" князя, и описание всей ситуации: так глядеть на солнце можно только при затмении.

**) Затмение солнца и тьма, прикрывшая воинов, могли быть поняты как недоброе знамение, предвещавшее плен.

***) Предки Игоря правили Тьмутараканью в теснине двух столетий, велико было искушение вернуть эти земли...

****) Буй — неистовый, буйный, боевой. Тур — дикий бык.

88 А куряне мои — тебе ведомы кмети: *)
89 Подъ трубами повиты,
90 Подъ шело́мы взлелеяны, 90)
91 Концом ко́пия вскормлены.
92 Пути им известны, овраги знакомы,
93 Луки у них напряжёны,
94 Тулы отворены, сабли изострены. **)
95 Сами скачут,
96 Аки серые волки въ поле,
97 Ища себе чести, а князю славы." 1932=16y+12

В пути 470=4x-6

98 Тогда вступил Игорь князь
99 Въ злат стремя
100 И поехал по чистому полю.
101 Солнце ему тьмою путь заступало,
102 Ночь, стонавши грозою ему,
103 Птичь пробудила.

104 Свист звериный восстал:
105 Взвился Дивъ, 105)
106 Кличет с верха древа.
107 Велит послушати зёмле незнаемой,
108 Волге, Поморию и Посулию,
109 И Суро́жу, и Корсуню,
110 И тебе — Тьмутороканский болван. ***)

111 А половцы негачёными дорогами
112 Побежали къ Дону Великому,
113 Кричат... телеги въ полуночи,
114 Скажешь — лебеди разбужены.

115 Игорь къ Дону войско ведёт,
116 А его беды пасёт уже
117 Птичь по дубью,
118 Волки раздражают грозу по оврагам,
119 Орлы клёктом зверей на кости зовут,
120 Лисицы брешут на червлёные щиты.

2406=20y+6

*) Название воинов курян "кмети" по смыслу этого стиха переводимо как казаки на основании полного совпадения с казачьим их образа жизни.

**) Тула — сумка для стрел.

***) Повидимому, одна из крупных античных статуй, остатки которых находятся в земле и прибрежных водах древних приазовских городов и доньне.

121 О... Русская земля
 122 Уже за шеломенем. 122)
 123 Долго ночь меркнет...
 124 Заря свет запалила.
 125 Мгла покрыла поля.
 126 Щёкот соловий уснул,
 127 Говор галич пробудился. 2519-21у-1

Победа

372-3х+15

128 Русичи поле великое
 129 Червлёными щитами прегородили,
 130 Ища себе чести, а князю — славы.
 131 Съ заранья въ пятък потоптали 131)
 132 Поганые полки половецкие
 133 И, рассыпавшись стрелами по полю,
 134 Красных девок помчали половецких,
 135 А с ними злато и паволоки,
 136 И дорогие оксамиты.

137 Покрывалами и епанчами, и кожухами
 138 Начали мосты мостить
 139 По болотам и грязивым местам.
 140 И всяким узорчим... половецким.

141 Червлен стяг,
 142 Бела хоругвь,
 143 Червлена чёлка — сребрено стружие —
 144 Храброму Святъславичу. 2894-24у+14

Недобрые предчувствия

459-4х-17

145 Дремлет въ поле
 146 Ольгово хороброе гнездо.
 147 Далеко залетело!
 148 Не было оно на обиду порождено
 149 Ни соколу, ни кречету,
 150 Ни тебе — чёрный ворон,
 151 Поганый половецанин!

152 Гзак бежит серым волком,
 153 Кончак ему след правит
 154 Къ Дону Великому. 154)

155 Другого дня очень рано
156 Кровавые зори свет поведают,
157 Чёрные тучи с моря идут, —
158 Хотят прикрыти три солнца, •)
159 А в них трепещут синие молнии.

160 Быти грому великому!
161 Итти дождю стрелами
162 Съ Дона Великого.
163 Тут копиям преломиться,
164 Тут саблям притупиться
165 О шело́мы половецкие
166 На реке на Каяле у Дона Великого.
167 О, Русская зёмле, —
168 Уже за шеломенем!

3357-28y-3

Песнь об Олеге Святославиче 713-6x-1

169 Были... века Трояна!
170 Минули лёта Яро́слава...
171 Были полки Ольго́вы —
172 Ольга Святъславича.
173 Этот Олег мечом крамо́лу ковал
174 И стрелы по зёмле сеял.

175 Ступает въ злат стремь ••)
176 Въ граде Тьмуторока́не, —
177 Этот же звон слышит
178 Давний великий
179 Яро́славлев сын Всево́лод...
180 А Владимир всё утро
181 Закладывал уши в Чернигове. 175)

*) В дошедших до нас текстах здесь 4 солнца, т.е. четыре князя: Игорь, Всеволод, Святослав и Владимир. Согласно летописи, Рьльский князь Святослав уплекся преследованием половцев до полной потери боеспособности своего полка. Его просьба к Игорю остаться на месте после боя явилась одним из звеньев в цепи событий, повлекших гибель Игорева войска.

Слова три солнца создают в этой паре строк удивительное по силе созвучие, напоминающее предгрозовые раскаты грома. Может быть здесь было "4 пишем — 3 в уме", т.е. предполагались два варианта прочтения: официальный и неофициальный? Или переписчики "точнее" посчитали князей? О Святославе Ольговиче не говорится в зачине, нет ему славы ни в конце, ни где-либо еще.

**) Речь идет о долгой борьбе между Олегом Святославичем и Владимиром Всеволодовичем Мономахом за Чернигов, принадлежавший отцу Олега до его смерти.

182 *Бориса же Вячесла́вича*
183 *Слава на суд привела* 183)
184 *И на Канину зелёну напо́лону* 184)
185 *Постла́ла, за обиду Ольго́ву,*
186 *Младого и храброго князя.*

187 *С той же Каялы Свягъполк*
188 *Полелеял отца своего*
189 *Между угорскими инокходцами*
190 *Къ святой Со́фии къ Киеву.*

191 *Тогда при Ольге́ Гориславиче,* *)
192 *Сеявшись и прорастая усобицами,*
193 *Погибало наследие Даждьбожьего внука,* **)
194 *Въ княжьих крамо́лах*
195 *Века человекам скращались.*

196 *Тогда по Русской земле*
197 *Редко ратаи покрикивали,*
198 *Но часто вороны граяли,*
199 *Трупы себе деля,*
200 *А галки свою речь говорили,*
201 *Хотя полететь на у́дие.*
202 *То было в те рати*
203 *И в те походы...*
204 *А этакой рати — не слышано!* 4076=34у-4

4. РОКОВЫЕ СОБЫТИЯ 2031=17х+8
Окружены 253=2х+15

205 *Се ветры — Стрибо́говы внуки —*
206 *Веют стрелами съ моря*
207 *На храбрые полки Иго́ревы.*
208 *Земля гудит,*
209 *Реки мутно текут,*
210 *Пороши поля прикрывают.* ***)

*) Возможно, вместо отчества здесь использовано имя матери или бабки (Горислава?). Это слово читается и как символ горя, принесенного князем людям, и перенесенного им самим: Олег лишился отчего Черниговского стола, долго воевал за него, побывал в плену на греческом острове Родос. "При Ольге" — значит во времена его правления черниговской, северской и тьмутараканской землей.

**) Даждьбогов внук — внук бога солнца, русский народ. Возможно, здесь имеется в виду и княжеский род рюриковичей, размножение которого сопровождалось дроблением Руси на уделы и связанными с этим усобицами.

***) Пыльные пороши от копыт половецкой конницы.

211 **С**тяги глаголют: полóвцы!
212 Идут отъ Дона и отъ моря,
213 И отъ всех стран
214 Русские полки оступлены.
215 Дети бесовы кликом поле прегородили,
216 А храбрые русичи преградили
217 Червлёными щитами. 4331=36y+11

Всеволод в бою 329=3x-28

218 **Я**р Туре Всево́лоде!
219 Стоишь на борони, *)
220 Прищещь на воинов стрелами,
221 Гремись о шелóмы мечи харалужными! **)

222 **К**уда, Турь, поскачешь,
223 Своим златым шелóмом посвечивая,
224 Тамъ лежат поганые головы полóвецкие.
225 Расщеплѣны саблями калёными ***)
226 Шелóмы аварские
227 Отъ тебя, Яр Туре Всево́лоде...

228 *Какая же рана доро́га, братья,
229 Забывшему почестъ, богатства
230 И града Чернигова отчий стол золотой,
231 И своей милой желанной
232 Красавицы Глебовны
233 Свѣчаи и обычаи!* 4663=39y-17

Долгая тяжкая битва 357=3x

234 **С**о заранья до вечера,
235 Съ вечера до света
236 Летят стрелы калёные,
237 Гремят сабли о шелóмы,
238 Трещат копия харалужные
239 Въ поле незнаемом
240 Среди зѣмли полóвецкой.

*) Боронь — здесь оборонительное ограждение из телег и других подручных средств. Так держали оборону русские воины в битве с монголами на Калке, так впоследствии оборонялись и запорожские казаки.

**) Харалуг — высококачественная ковкая сталь.

***) Аварские шеломы имели деревянную основу. Кочевники половцы приобретали у соседних народов необходимые им предметы вооружения и хозяйства.

241 Чёрна земля под копытами
242 Была костью посеяна,
243 А кровию польяна...
244 Тугою всходило по Русской земле! *)

245 Что мне шумит, что мне звенит,
246 Давеча рано пред зорями?
247 Игорь полки заворачивает, —
248 Жаль ведь ему мила брата Всеволода...
249 Билися день, бились другой,
250 Третьего дня къ полудню
251 Пали стяги Игоревы.

5023=42y-17

Поражение 243=2x+5

252 Тут разлучилися братья
253 На берегу быстрой Каялы,
254 Тут кровава вина недостало,
255 Тут пир докончили храбрые русичи.
256 Сватов попили... а сами **)
257 Полегли за землю Русскую —
258 Русского злата насыпали! ***)

259 Тут Игорь князь пересел
260 Из злата седла
261 А въ седло кощеево... ****)
262 Никнет трава жалостями,
263 А древо с тугою к земле приклонилось.

5268=44y-12

Недобрые времена 356=3x-1

264 Уже невесёлая, братья,
265 Година настала.
266 Уже пустыня силу прикрыла... *****)

*) Туга — безутешное сожаление о случившемся.

**) Реальная картина битвы непереносима для человека в его естественном восприятии. Автор, следуя традиции, заменяет ее описанием пира, горькая ирония состоит в том, что Кончак действительно был сватом Игоря: задолго до этих событий Владимир был помолвлен с его дочерью.

***) По А.К.Югову, тут имеются в виду выгоревшие на солнце волосы русских воинов. Другой смысл: дорогое вооружение.

****) Кощей — кочевник.

*****) Сила — военная сила, воины.

267 **Встала обида**
268 **Въ силах Дажьбожьего внука,**
269 **Девой вступила на землю Трояна,** *)
270 **Въсплескала лебедиными крыльями** **)
271 **На Синем море у Дона, —**
272 **Плеща, спугнула вольны времена.**

273 **Ополченья князей на поганых распались,**
274 **Ведь брату брат говорил:**
275 **"Это моё, а то — моё же!"** 275)
276 **И начали князи про малое**
277 **"Это великое!" — молвить,**
278 **Да на себя сами крамо́лу ковать.**
279 **А поганые со всех стран**
280 **Приходили с победами**
281 **На землю Русскую.** 5627=47y-13

282 **О, далече зайдёт сокол,**
283 **Птиц бья, к морю,**
284 **А Игорева храброго полку —**
285 **Не воскресить!**
286 **За ним кликнула Карна,** ****)
287 **И Жаль поскакала по Русской земле,**
288 **Чад людям мыкая въ пламенном роге.** 288)
Невосполнимая утрата 133-x+14
5761=48y+1

Горе в русской земле 360=3x+3

289 **Русские жёны восплакались, запричитали:**
290 **"Уже нам своих милых лад**
291 **Ни мыслию смыслить, ни думою сдумать,**
292 **Ни очами соглядывать.**
293 **А злата и сребра**
294 **Ни мало того потрепати."**

*) Ранее плененные русичами половчанки были отняты у них и, повидимому, проданы в византийских владениях. Сравним с обидой Ахиллеса, у которого отняли Брисеиду.

**) Парусами кораблей, увозящих русских воинов в неволю. В материалах В.Н.Татищева есть сведения, что домой вернулись 215 русичей. Это не совпадает с данными летописи. Расхождение возможно, поскольку многие вернулись не сразу: скитания, побег из плена, выкуп...

***) Автор говорит о будущих походах Игоря на половцев.

****) Карна — богиня подземного мира римской мифологии.

И встонали, братья,
Киев туюю, а Чернигов напастыми.
Тоска разлилася по Русской земле,
Печаль вольно текла
Средь зѣмли Русской.

А князя на себя
Сами крамоу ковали,
А поганые сами победами
Нарыща на Русскую землю,
Дань собирали по бѣле ото двора... *)
Унынье взяло города,
И веселье поникло. 6124-51y+4

5. ПРИ КИЕВСКОМ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОМ ДВОРЕ 1432-12x+4

Вещий сон 335-3x-22

А Святъслав... мутен сон 307)
Видел в Киѣе на горах.
"Сию ночь со вечѣра
Одевали меня, — говорит,—
Чѣрным ковром на кровати тисовой...

Черпали мне сине вино
Съ горечью смешено. Сыпали мне
Тошими тулами поганых толковин **)
Крупный жемчуг на грудь
И ласкали меня...
Уже доски без кнѣса ***)
Въ моѣм теремѣ златоверхом... 318)

Всю ночь съ вечѣра
Бусовы враны возграивали. ****)
У Пленьска на займище 321)
Подымали дебьрские сани 322)
И несли их къ Синему морю...” 6462-54y-18

*) Повидимому, речь идет о мере серебра или золота.

**) Толковины — союзники. Жемчуг во сне — к слезам. Тощие, т.е. опустошенные колчаны союзных ковуев — это отражение во сне одной из возможных причин их бегства.

***) Кнѣс — конѣк крыши.

****) Бус — князь антов, казненный в 375 году готами вместе с 70 своими соратниками. Святославу снились вороны — знак гибели воинов Игоря примерно в тех же местах.

- 324 **И** говорили бояре князю:
 325 "Уже, княже, туга ум полонила:
 326 Ведь это слетели два сокола
 327 Съ отчего стола златого
 328 Пойскати града Тьмутороканя,
 329 А любо испити шеломом Дону.
- 330 **У**же соколам крыльца
 331 Саблями поганых припешаны, *)
 332 А и сами опутаны въ путины железные.
 333 Въ третий же день стало темно:
 334 Два солнца померкли,
 335 Оба багряные столпа погасли.
- 336 **А** съ ними молодые месяцы —
 337 Олег и Святъслав —
 338 Тьмою поволоклися
 339 И въ море погрузились.
 340 И въ буйство великое впали Хинове: **)
 341 На реке на Каяле
 342 Тьма свет покрыла!
- 343 **По** Русской земле простёрлись половцы,
 344 Аки гнездо гепардов... ***)
 345 Уже пала хула на хвалу,
 346 Уж разбило насилие волю,
 347 Уже сверзился Дивъ на землю.
- 348 **То** ведь готские красные девы
 349 Воспели на берегу Синего моря! ****)
 350 Русским златом звоня,
 351 Поют Бусово время 351)
 352 Лелеют мечь Шарукана. 352)
 353 И мы уже, дружина...
 354 Жаждем веселия!

7084-59y+4

*) Припешить птицу — лишить ее возможности летать.

**) Хинове — повидимому, гунны, осевшие в Приазовье с 4 столетия н.э.

***) Черниговские князья охотились с выводками гепардов.

****) Грай воронов во сне Святослава бояре толкуют как пение готских дев, радующихся повторению "Бусова времени" и золоту, доставшемуся им от перепродажи русских пленников. Шарукан — знаменитый половецкий хан, дед Кончака, победивший в 1068 году князей Ярославичей, а в старости потерпевший ряд поражений от русских князей; персонаж русских былин.

355 Эти два храбрых Святъславича —
 356 Игорь и Всеволод —
 357 Уже зло возбудили,
 358 Которое было смирил
 359 Отец их Святъслав *)
 360 Грозный великий Киевский, —
 361 Будто грозою прибил
 362 Своими сильными полками
 363 И харалужными мечами!

364 Наступил на землю Половецкую,
 365 Приотптал холмы и овраги,
 366 Возмутил озёра и реки,
 367 Искушил потоки и болота.

368 А Кобяка поганого из Лукоморья **)
 369 От железных великих полков половецких
 370 Яко вихрь исторг!
 371 И свалился Кобяк въ граде Киеве
 372 Въ гриднице Святъслава." 7463-62y+23

Мнение Европы

104-x-15

373 Тут немцы и венецы,
 374 Тут грецы и морава
 375 Поют славу Святъславу,
 376 Кают Игоря князя, ***)
 377 Погрузившего волку во дно Каялы — ****)
 378 Реки половецкой! 7568-63y+8

*) Святослав Всеволодович был двоюродным братом Игоря и Всеволода. Называя его отцом, придворные подчеркивают здесь более высокое положение Киевского князя.

**) Лукоморье — излучина Черного моря вблизи устья Днепра, куда ходили со Святославом на половцев русские князья.

Здесь после заключения мира с Византией останавливался на зимовку один из великих полководцев средневековья Киевский князь Святослав Игоревич в 972 году незадолго перед своей гибелью в бою с печенегами на Днепровских порогах. Здесь же греческие источники помещают так называемый Ахиллов дром, где раньше жили племена Руси-дромитов (согласно ряду источников, родиной Ахиллеса была Скифия). Так что не без оснований А.С. Пушкин избрал Лукоморье символом колыбели русского духа.

***) Возможно, покаянием самого Игоря и является эта поэма.

****) Во дно — в воды. Названия Дон (Дана, Танаис), Днепр, Днестр, Дунай имеют общую с этим словом древнюю корневую основу. Подобным образом скифы называли Аму-Дарью во времена похода Александра Македонского в Среднюю Азию.

379 Тогда великий Святъслав
 380 Изронил злато слово
 381 Съ слезами смешено и рече:
 382 "О, мои сыновцы — *)
 383 Игорю и Всеволоде!
 384 Рано начали
 385 Половецкую землю мечами квелити, **)
 386 А себе — славы искать.

387 Но не съ честию вы одолели,
 388 Не съ честию кровь поганую пролили.
 389 Храбрые ваши сердца
 390 Въ раскалённом харалуге скованы, ***)
 391 А въ буести закалены...

392 Но сказали: "Мужаемся сами,
 393 Прежнюю славу сами похитим
 394 И новую — сами поделим."
 395 То ль сотворили
 396 Моей серебрёной седине?! 7919=66y-1

Черниговскому

212=2x-26

397 А уж не вижу власти
 398 Богатого, сильного и многовойского
 399 Брата моего Ярослава.
 400 Съ черниговскими боярами,
 401 Съ мугутами, съ татранами.

402 И съ шельбирами и съ топчакками...
 403 И съ ревугами... и съ ольбёрами...
 404 Ведь те без щитов съ засапожниками ****)
 405 Кликом полки побеждают,
 406 Звонячи въ прадедову славу. 8133=68y-27

*) Сыновцы — племянники.

**) Квелити (*цвелити*) — делать квелой, слабой.

***) Сердце князя уподоблено сердцевине харалужного меча. Технология стариннойковки и закалки обеспечивала высокую прочность за счет мягкой сердцевины и твердого лезвия.

****) В раскопках скифских курганов найдены изображения конных воинов без щитов с обнаженными кинжалами, видимо, союзники Ярослава вспоминали о тех давних временах.

407 А диво ли, братья, —
 408 Старому помолодеть?
 409 Коли сокол перелинял, —
 410 Птиц высоко взбивает:
 411 Не даст гнезда своего въ обиду!

412 Но в том зло —
 413 Князи мне не пособие! *)
 414 На ничто времена обратили:
 415 Се у Рим кричат 415)
 416 Подъ саблями половецкими,
 417 А Володимир — под ранами.
 418 Туга и тоска сыну Глебову. 8361-70у-39

Суздальскому и о Рязанских 219-2х-19

419 Великий княже Всеволоде! 419)
 420 Не мыслю, что ты прилетишь издаляча
 421 Отчий стол золотой поблюсти. **)
 422 Ты можешь и Волгу веслами раскропить,
 423 А Дон — шеломами вылить! ***)

424 А если б ты был,
 425 То была бы чага по ногате,
 426 А кошей — по резане. ****)
 427 Ты ведь можешь и посуху
 428 Стреляти живыми шереширами — *****)
 429 Удалыми сынами Глебовыми. 8582-72у-58

*) Святослав по существу признает свою неспособность сплотить князей для отпора половецкому нашествию. Далее приводится пример такого "не пособия": ни город Рима Переяславского княжества, ни сам Володимир Переяславский не смогли успешно постоять за себя.

**) Отец Всеволода Юрий Долгорукий бывал на Киевском княжении.

***) Намеки на многолюдные, но без особых успехов походы Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) на Волжскую Болгарию и на его поход против донских половцев. Раскропить — разбрызгать.

****) Чага — рабыня, ногата и резана — мелкие монеты.

*****) Шерешеры — повидимому, малоэффективные метательные снаряды с огнем. Им уподобляются "удалые" сыновья Глеба Рязанского, служившие Всеволоду после того, как он посадил в поруб (тюрьму) их отца, где тот и умер.

В этих строках, по мнению В.А. Чивилихина, двойная ирония: ко времени их написания рязанские князья уже вышли из-под власти этого тоже имевшего "долгие" руки князя.

430 Вы, Буй Рюрик с Давыдом! *)
 431 Не ваши ли воины
 432 Злачёными шело́мы по́ крови плавали?
 433 Не ваши ли храбрые дружины
 434 Рыкают аки туры,
 435 Ранимы саблями калёными
 436 На поле незнаемом?

437 Вступите, господа, въ златы стремена
 438 За обиду нашего времени,
 439 За́ землю Русскую, за раны Игоря —
 440 Боевого Святъславича!

8805-74у-75

Галицкому

344-3х-13

441 Галицкой Осмомысле Ярославе! 441)
 442 Высо́ко сидишь
 443 На своем златоко́ванном столе! **)
 444 Подпер горы Угорские
 445 Своими полками железными,
 446 Пути́ королю заступив, ***)
 447 Затворив Дунаю ворота,
 448 Грузы мечá через облаки, ****)
 449 Снаряжая суда на Дунай.

450 Грозы твои по землям гудят,
 451 Отворяя Киеву врата.
 452 Стреляешь с отчего злата стола
 453 Салтанов за землями... *****)

454 Стреляй, господине, Кончака —
 455 Кошея поганого —
 456 За́ землю Русскую, за раны Игоря —
 457 Боевого Святъславича! 9152-77у-88

*) В Киеве тогда было два князя — Рюрик Ростиславич, брат Смоленского князя Давыда, правивший Киевской землей, и городской Киевский князь Святослав Всеволодович.

**) Княжеский замок Ярослава Галицкого, тестя Игоря, был расположен на высоком берегу Днестра.

***) Речь идет о Карпатских горах и венгерском короле.

****) Имеется в виду торговля через Карпаты.

*****) Повидимому, намек на участие войск Ярослава в войне на стороне Византии или же в крестовых походах.

458 А ты, Буй Романе... и Мстиславе! 458)
 459 Храбрая мысль
 460 Носит ваш ум на дело.
 461 Высоко паришь на дела боевые,
 462 Аки сокол на ветрах ширяясь,
 463 Хотя птицу въ буйстве одолеть!

464 Суть у вас ведь железные павороты *)
 465 Под шело́мы латинскими.
 466 Сотрясается ими земля
 467 И многие страны:
 468 Хи́нова, Литва, Ятвяги, Деремела. **)
 469 И по́ловцы сули́цы свои повергали, ***)
 470 А гла́вы свои подклоняли
 471 Подъ те мечи харалужные.

472 Но уже, княже, Иго́рю
 473 Померк солнца свет,
 474 И не добром древо листья сронило:
 475 По Роси́ и Суле города поделили,
 476 А Иго́рева храброго полку
 477 Не воскресить!

478 Дон тебя, княже, кличет
 479 И зовет князей на победу.
 480 Ольго́вичи — храбрые князи —
 481 Доспели на браны! 9637-81y-83

Другим юго-западным 218-2x-20

482 Ингва́рь и Всево́лод,
 483 И все три Мстиславича!
 484 Не худа гнезда шестокрыльцы, ****)
 485 Не победными жребиями
 486 Себе волости брали.

*) Неясное слово, прочитанное как *павороты* (производное от *ворот*, ср. *пасынок*), предположительно, кольчужная либо пластинчатая подвесная защита между шоломом и кольчугой.

**) В 1196 году Роман Мстиславич Волынский ходил на ятвягов "отомщиваться", в этом же году летописцами отмечено землетрясение.

***) *Сулица* — легкое метательное копьё.

****) Автор сравнивает этих молодых князей с невинными ангелами, не познавшими греха в борьбе за землю и власть.

487 Кое ваши златые шеломы *)
 488 И сулицы ляцкие, и щиты? **)
 489 Загородите Полю ворота
 490 Своими острыми стрелами
 491 За землю Русскую, за раны Игоря —
 492 Боевого Святъславича!"

9857=83y-103=82y+17

7. ВСЕСЛАВИЧИ И ВСЕСЛАВ 1669=14x+3

Великая сушь на Руси 114=x-5

493 Уже ведь Сула не течёт
 494 Серебрёными струями
 495 Къ граду Переяславлю, 495)
 496 И Двина болотом течёт ***)
 497 Оным грозным Полочанам
 498 Подъ кликом поганых. 9972=83y+12

Изяслав 378=3x+21

499 Один же Изяслав
 500 Сын Васильков позвонил
 501 Своими острыми мечами
 502 О шеломы литовские,
 503 Подрубил славу
 504 Деду своему Всеславу.
 505 И сам — на кровавой траве
 506 Подъ червлёными щитами —
 507 Подрублен литовскими мечами.

508 Иссякла юная кровь,
 509 А он и сказал:
 510 "Дружину твою, княже,
 511 Птичь крылом придела,
 512 И звери кровь полизали."

*) Кое переводят как "где". Есть и другой оттенок смысла: на кой, зачем.

**) Ляхи — поляки.

***) Описывается иссыхание рек на юге и северо-западе Руси.

Согласующиеся между собой данные из русских летописе, исследования колец деревьев в археологических раскопках и сведения о годовых объемах стока Днепра за последнее тысячелетие позволяют утверждать, что после 1184 года первая засуха, охватившая всю Русь, была в 1191-1192 годах. Она сопровождалась неурожаем. Еще большее падение стока Днепра было в 1199-1200 годах.

Опираясь на эти факты, можно заключить, что "Слово" было в основном завершено не ранее начала и не позднее конца 90-х годов двенадцатого века.

513 Не было тут брата Брячислава,
514 Ни другого — Всеволода!
515 Один изронил жемчужную душу
516 Изъ храброго тела
517 Через злато́ ожерелие.
518 Уныли голо́сы, поникло веселие,
519 Трубы трубят городёнские. *)

10353=86у+33

Обращение автора к Новгородскому
и Полоцким князьям

206-2х-32

520 *Ярославе и все внуки Всеслава!* **)
521 *Уж понизите стяги свои,*
522 *Въ ножны вложите свои мечи вержены,—*
523 *Уже вы утратили дедову славу.*

524 *Вы ведь своими крамолами начали*
525 *Наводити поганых на землю Русскую,*
526 *На наследье Всеслава.* 525)
527 *Раздором влечёте насилie*
528 *Отъ земли Половецкой!* 10561=88у+1

Песнь о Всеславе Полоцком

971-8 х +19

529 *На седьмом веке Трояна* 529)
530 *Бросил Всеслав жребий*
531 *О девице любой себе.*
532 *Хитро коней оседлал* 532)
533 *И скакнул къ граду Киеву...*
534 *И достигает стружием*
535 *Злата стола Киевского!* ***)

*) *Городен* — теперь Гродно. Судя по тексту, Городенский князь Изяслав Василькович, шурин Святослава, — единственный, кто откликнулся на призывы.

**) Ярослав Владимирович, князь Новгородский. До него в Новгороде недолго княжил сын Святослава Киевского, которому горожане вскорости "показали путь". Этим стихом завершается цикл обращений к русским князьям. Союзнические отношения Ярослава с "полоцкою князьею" известны из летописных сведений, также как и их участие в "усобицах". *Вержены* — повреждённые.

***) Всеслав действительно только лишь коснулся киевского престола, пробыв на нем всего семь месяцев.

536 **Высочил** лютым зверем
537 *Въ по́луночь из Белаграда,*
538 *Вознесся въ синей мгле...*
539 *С утра же, вонзив тараны,*
540 *Оттворил врата Новаграда,*
541 *Расшиб славу Ярославу!*

542 **Волком** доскакал до Немиги с Дудуток.
543 *На Немиге снопы головами стелют,* *)
544 *Молотят цепи харалужными,*
545 *Жизнь на току кладут,*
546 *Веют душу отъ тела.*
547 *Немиги кровавые бреги*
548 *Не добро были посеяны:*
549 *Посеяны ко́стями русских сынов.*

550 **Всеслав** князь людей судил,
551 *Князьям грады рядил,*
552 *А сам въ ночь волком рыскал из Киева,*
553 *До петухов дорыскивал Тьмутороканя,*
554 *Великому Хорсу волком путь перерыскивал!* **)

555 **Ему** позвонили въ Поло́цке заутреню рано
556 *У святой Софеи въ колоколы,*
557 *А он въ Киеве звон слышал!*
558 *Но хоть и вещь душа*
559 *Въ дерзостном теле, —*
560 *Часто от бед страдал.*

561 **Ему** вещей Боян
562 *И придумал припевку, —*
563 *Смышлёный сказал:*
564 *"Ни хитру, ни горазду,*
565 *Ни чародею горазду* 565)
566 *Суда божьего не миновать!"*

*) *Немига* — речка вблизи тогдашнего Минска, где в 1067 г. произошла битва Всеслава с Ярославичами и он был пленен.

Для хорошего обмолота снопы клали колосья к колосьям, т.е. голова к голове. Сочетание прямого и переносного смысла слова "головами" подчеркивает основательность этой страшной работы.

**) *Хорс* — бог солнца. Отсюда "хоровод" и его казачий вариант "корогод", многие другие аналоги в славянских и иранских языках.

567 О, стонати Русской земле,
 568 Помянувши первые годы
 569 И первых князей...
 570 Того Старого Владимира *)
 571 Нельзя же было пригвоздити
 572 Къ горам Киевским... 572)

573 Се ведь ныне стоят
 574 Стяги Рюриковы,
 575 А другие — Давыдовы, **)
 576 Но розно их хоботы вьются,
 577 Копья поют! 11540-96у+20

8. ЯРОСЛАВНА И ИГОРЬ 1405-12х-23

Плач Ярославны 800-7х-33

578 На Дунае глас Ярославнин слышится, —
 579 Зэгзицею незнаемой рано кукует:
 580 "Полечу, — рече, — зэгзицею по Дунаю, ***)
 581 Омочу бобрян рукав ****)
 582 Въ Каяле реке,
 583 Утру князю кровавые раны его
 584 На воспалённом его теле."

585 Ярославна рано плачет
 586 Въ Путивлѣ на забрале, аркучи:
 587 "О, ветер-ветрило!
 588 Зачем, господине, насилием веешь?
 589 Зачем мечешь хиновские стрѣлки
 590 Своими нетрудными крыльцами
 591 На воинов лады моей?"

*) Святой Русской православной церкви Киевский князь Владимир Святославич, креститель Руси.

**) Давыд Смоленский привел войска на помощь брату Рюрику к Киеву после поражения Игоря, но отказался от активных действий против половцев, что в определенной степени стало причиной разгрома половцами Переяславского княжества.

***) Зэгзица — кукушка. Игорь взял в поход двух сыновей Владимира и Олега. Оказавшись в Путивле без мужа и детей, Ярославна сравнивает себя с этой одинокой птицей, разбросавшей птенцов по чужим гнездам.

****) "Лисью шубу шити, бобром опушити, царя нарядити", — из песни в кинофильме "Иван Грозный".

В рукописи "бобрян" рукав. Несмотря на наличие различных трактовок этого слова, "бобрян", т.е. бобровый, представляется наиболее подходящей.

592 Мало ль тебе в вышину
593 Под облаки веять,
594 Лелея кораблики на Сине море?
595 Зачем, господине, веселье моё
596 По ковылью развеял?"

597 Ярославна рано плачет,
598 Путивлю городу
599 На забороле аркучи:
600 "О, Днепр Словутич!
601 Ты пробил каменные горы
602 Сквозе землю половецкую.

603 Ты лелеял Святъслава насады
604 До войска Кобякова.
605 Возлелей, господине,
606 Мою ладу ко мне,
607 Чтобы не слала к нему
608 Слёз на море рано!"

609 Ярославна рано плачет
610 Въ Путивле на забрале, аркучи:
611 "Светлое и трисветлое Солнце,
612 Всем ты тепло и красно!"

613 Зачем, господине, простёрло
614 Луч свой горячий на воинов лады,
615 Въ поле безводном
616 Жаждой им луки сопрягло,
617 Тугою им тулы заткнуло?!"

12347-103y-13

*) Имеются в виду Днепровские пороги.

**) *Насады* — суда, на которых киевляне плыли по Днепру.

***) Оказавшись окруженными в безводной степи, воины Игоря были вынуждены бегать к тем трагическим событиям.

Эти два места поэмы диаметрально противоположны: начало битвы 218 строка, начало плача — 578.

"Глас" Ярославны на Дунае выражал ее просьбу к отцу или же к богатым русским людям в Галиции и низовьях Дуная собрать запрошенный половцами огромный выкуп за Игоря.

Обращением княгини с Путивльских стен автор приобщает ее к противостоянию половецкому набегу: Гзак пытался взять этот город, но был обит и, пограбив окрестности, ушел восвояси.

Северяне смогли "загородить полю ворота" и в отсутствие своего князя. Это еще один факт против домыслов о легкомыслии Игоря.

618 **П**рыснуло море Полуночи, •)
 619 Идут смерчи мглами:
 620 Игорю князю Бог путь кажет
 621 Из земли Половецкой
 622 На землю Русскую —
 623 Къ отчему злату столу! 12457-104у-23

Побег

496-4x+2 0

624 **П**огасли вечерние зори.
 625 Игорь спит? Игорь бдит!
 626 Игорь мыслию мерит поля
 627 От Великого Дона до Малого Донца. ••)
 628 Конь во полуночи!
 629 Овлур свистнул за речкою, —
 630 Князю велит разумети:
 631 Игорю князю — не быть! 631)

632 **К**личет, стучит земля,
 633 Восшумела трава,
 634 Отдаляются вежи половецкие,
 635 А Игорь князь поскакал
 636 Горностаем къ тростю
 637 И белым гоголем — на воду!

638 **В**спрыгнул на борза коня
 639 И скакнул с него босым волком,
 640 И побежал къ лугу Донца.
 641 И полетел соколом подо мглами, •••)
 642 Добывая гусей и лебедей
 643 К завтраку... и обеду, и ужину. ••••)

•) *Море Полуночи* — Северный Ледовитый океан. Русские поморы ходили по нему и знали, напр. о Груманте (Шпицбергене) по меньшей мере за две сотни лет до описываемых тут событий.

••) Северский Донец сами Северяне, естественно, называли Донец. Малый Донец — один из притоков или, может быть, верховье Северского Донца — протекал уже во владениях князя.

Таким образом, Игорь "мерил поля" вдоль Северского Донца от места его впадения в Дон, где находился в плену, до родной земли.

•••) "Конь казаку — крылья", — говорит пословица.

••••) От романтики к прозе жизни: питались тем, что могли подстрелить по пути, и стол не отличался разнообразием.

644 Коли Игорь соколом полетит,
645 Тогда Влур волком побежит, *)
646 Труся собою студёную росу:
647 Ведь приморили они
648 Своих борзых коней. 12957-108y-3

9. ВОЗВРАЩЕНИЕ 1430-12x+2

Погоня 477-4x+1

649 А не сороки вóстроскотали, —
650 По следу Игореву ездит
651 Гзак со Кончаком.
652 Тогда враны не граяли,
653 Галки помолкли,
654 Сороки не трескотали — **)
655 По лóзию ползали только.
656 Дятлы тектом путь к реке кажут,
657 А соловьи весёлыми песнями
658 Свет поведáют!

659 Молвит Гзакъ Кончаку:
660 "Коли сокол ко гнёзду летит, —
661 Соколика мы расстреляем ***)
662 Своими злачёными стрелами."

663 Рече Кончак ко Гзе:
664 "Коли сокол къ гнёзду летит —
665 То мы сокольца опутаем...
666 Красною девицею."

667 И рече Гзакъ Кончаку:
668 "Если опутать его красною девицею,
669 Ни нам сокольца не будет,
670 Ни нам — красной девицы.
671 То нас бить птицы почнут
672 Въ поле полóвецком!" 13438-112y-2

*) Чтобы уберечь коней при непрерывном многочасовом движении, была избрана такая тактика: один ехал верхом, а другой бежал следом, давая своему коню отдохнуть.

**) Эти птицы, обычно выдающие присутствие человека своим стрекотанием, здесь заодно с беглецами.

***) Речь идет о сыне Игоря Владимире, оставшемся у Кончака и вернувшемся домой 2 года спустя вместе с молодой женой, дочерью Кончака, и ребенком. На Руси Кончаковну крестили и называли *Свободою*.

673 Донец рече: "Княже Игорю!
674 Немало тебе величия,
675 А Кончаку — нелюбия,
676 А Русской земле — веселия!"

677 Игорь рече: "О, Донче!
678 Немало тебе величия:
679 Лелеял ты князя на волнах,
680 Стлал ему зелену траву,
681 На своих серебряных брегах, *)
682 Одевал его тёплыми мглами
683 Под сению зелена древа,
684 Стерёг его гоголем на воде,
685 Чайцами на струях,
686 Чернядьми на ветрах.

687 Не тако,— рече,— река Стугна:
688 Худу струю имела,
689 Пожравши чужие ручьи и струги... 689)
690 Истерзав на кусту
691 Юношу князя Ростислава,
692 Затворила на дне у тёмного берега. **)

693 Плачется мати Ростислава
694 По юноше князю Ростиславу,
695 Увяли цветы жалостию,
696 А древо с тугою къ земле приклонилося."

13923=116y+3

*) Имеются в виду серебристые меловые откосы на берегах Северского Донца (В.А.Чивилихин).

***) Поэтически сопоставляются Донец, текущий из Русской земли, и Стугна — пограничная река, южные притоки которой исходят из чужой Половецкой земли, давая недобрую струю.

Весной 1093 года Владимир Мономах со своим младшим братом, потерпев тяжелое поражение и спасаясь от преследовавших их половцев, с ходу переправлялись через бурно разлившуюся в половодье Стугну.

Ростислав утонул "пред очами" Владимира, запутавшись, как полагает И.И.Шкляревский, при сильном течении и в боевом снаряжении в затопленных полой водой прибрежных кустах. Тело его было найдено и доставлено в Киев.

Повидимому, в столетнюю годовщину этого печального события поэт поминает добрым словом юного князя.

697 **Г**оворили Боян и Ходына —
 698 *Святъславовы песнетворцы*
 699 *Времён старого Ярослава,*
 700 *Олега когана любимицы:* *)
 701 "Тяжко тебе, голова без плеч,
 702 *Зло тебе, тело без головы...!"*
 703 *Русской земле — без Игоря!* **)

704 **С**олнце светится на небесах,
 705 **И**горь князь — въ Русской земле!
 706 **Д**евицы поют на Дунае,
 707 **В**ьются голосы чрез море до Киева.
 708 **И**горь едет по Боричёву
 709 **К**ъ святой богородице Пирогошей, ***)
 710 **С**траны рады, грады весёлы!

711 **П**ели песнь старым князьям,
 712 *А потом — молодым будут петь:*
 713 "Слава Игорю Святъславичу,
 714 **Б**уй Туру Всеволоду,
 715 **В**ладимиру Игоревичу!

716 **З**дравы будьте князья и дружина,
 717 **П**оборитесь за христиан
 718 **П**ротив нашествий поганных!
 719 **С**лава князьям и дружине!"

720 **И** быть по сему. 720)

14400-120у=120²

*) Титул кагана мог быть отнесен к Олегу Святославичу как правителю Тьмутаракани, когда-то одного из центров бывшего Хазарского каганата.

**) Слова о трагических событиях времен Ярослава Мудрого, когда сыновья Владимира Святого один за другим погибли в жестокой междоусобной борьбе, соотносятся здесь с образом Русской земли, лишившейся главы в связи с пленением Игоря.

Еще при Екатерине Второй Малой Россией называлась не вся Украина, а именно черниговские и новгород-северские земли, так что Русская земля в самом узком смысле — земля "отчего стола" князя Игоря Святославича.

***) Церковь с византийской иконой Богородицы.

Заложена в Киеве на Подоле у Боричева спуска в тридцатые годы двенадцатого века сыном Владимира Мономаха князем Мстиславом Великим.

Порушена в шестидесятые годы двадцатого века во время правления Хрущева.

ПОСТРОЧНЫЕ ИЗЪЯСНЕНИЯ

2. "Слово о полку Игореве" — особая среда, связующая русскую историю и современность, сберегающая наше прошлое от забвения. Вчитываясь в его строки, познаешь смысл старинных названий, и наоборот — сохранившиеся названия помогают правильно читать средневековый текст.

Так, городок в Курской области со странным названием *Льгов* дает нам ключ к прочтению этой строки: основанный князем Олегом именно в те времена, он и был назван *Ольгов*, т.е. Олевов город. Утрата первой буквы показывает, что ударение делали именно на втором слоге.

Драматические события, пережитые русским народом, оставили след в его языке, заменив многие слова, а читая "Слово", мы возвращаемся к их более старым родным эквивалентам. Вот пример: *чёлка* — бунчук, пучок конских волос на древке, взятый, повидимому, именно с чёлки, т.е. со лба лошади. Иногда такая чёлка служила памятью о любимом боевом коне.

4. *Словесы* — здесь, художественные приемы словесности, которых немало насчитывалось в средневековье, как можно судить, напр. по записям Георгия Хуровьска об образах в Изборнике Святослава 1073 года. Риторическими вопросами, несколькими попытками зачина, образными сравнениями читатель незаметно для него вводится в реалии исторической эпохи, воспринимает приемы творческого метода, узнает цель похода и некоторые сведения о положении на юге Руси перед его началом. Подчеркивается свободная воля князей (*не буря заносит...*) и обдуманная решимость Игоря.

9. О чем мог "*замышлять*" придворный поэт князя Святослава Ярославича, писавший про усобицы времен Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого? Надо полагать, о прекращении этих раздоров, о будущей славе детей и внуков своего князя. Жизнь не вполне оправдала эти замысления.

12. Как признают многие специалисты, здесь надо читать не *мыслию*, а *мысию*, т.е. белкой по дереву. Тем не менее, аналогом этого образа в 43 строке автор выбрал соловья, скачущего по мысленному дереву. Просматривается такое сопоставление: червь — червлённый, ветвь — ветвление, *мысь* — *мысленый* — *мысленный*.

Сочетание образов, близкое белке, волку и орлу, встречается затем в строках 118-120, а также, с заменой белки на щуку, — в былине "Вольга". Изображение подобной троицы найдено на зеркальце из скифского кургана. Все это — отражение идеи о трех сферах, трех составных частях вселенной, которые с определенной степенью условности можно понимать как небо, землю и подземный мир.

Смысл метафоры состоит в том, что прежде, чем начать творить, поэт должен сам проникнуть в дебри и глубины, как белка, лисица или щука, обежать землю, как волк, облететь небеса, как орел, т.е. увидеть мир и познать его со всех сторон, во всем многообразии. И только после этого, уже в своем воображении, он рисует возможные сюжетные линии, перебирает варианты *скачет соловьем по мысленному дереву* и на крыльях фантазии умом взлетает *под облаки*. Между прочим, вполне современный термин в прикладной математике — дерево перебора. А вот высказывание основателя

теории полета Н.Е. Жуковского: "Человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума".

Хотя бы выражение "растекаться мыслию по древу" — это всего лишь нелепое недоразумение, возникшее из-за двух ошибок. О первой уже сказано, а вторая — неверное прочтение слова *растекается*. В украинском языке есть слово *тикать*, что значит "бежать, убегать", так что автор рисует нам образ стремительно бегущей белки, а отнюдь не медленно растекающейся мысли.

16. Под *первых времен усобицами* понимаются события в первые десятилетия активного распространения христианства на Руси после смерти *Старого Владимира*, поделившего землю между своими сыновьями.

Усобицы привели к гибели Бориса и Глеба, причисленных православной церковью к лику святых. Русская история этого периода имеет немало белых пятен. И в наши дни продолжается дискуссия о том, кто убил Бориса, был ли он христианином. Использование зарубежных источников, в частности, так называемой "Эймундовой саги" заставляет взглянуть на эти события под углом зрения, отличным от традиционного. Есть весьма правдоподобная версия, что Борис был союзником Святополка в борьбе против Ярослава, и погиб от руки вожака варяжской дружины Эймунда, служившего Ярославу. Автор "Слова" несколько раз упоминает имя Ярослава, но собственное авторское мнение о нем как бы прикрыто ссылками на певца тех времен Бояна. См. далее примечание к 701 строке.

23. Обычно в переводах на современный русский здесь пишут "сразил Редедю", при этом создается впечатление какой-то вооруженной схватки. Сохраненное выражение точно передает особый трагизм поединка двух достойных рыцарей и согласуется с летописными трактовками этого события.

Редедя, будучи велик ростом и силою, перед строем готовых к бою воинов предложил Мстиславу побережь людей и бороться один на один без оружия. "Такъ буде," — ответил князь, и приступили к борьбе. И стал побеждать Редедя. Теряющий силы Мстислав возмолвил Богородицу помочь ему, обещая построить в ее честь церковь. И воспрянул духом и прижал противника к земле. Редедя же, осознавши свое положение перед семьей и родом своим, стал просить у Мстислава смерти, грозя в противном случае стать ему смертельным врагом. Тогда Мстислав достал засапожный нож и лишил его жизни *пред полками касожскими*.

Согласно сведениям некоторых родословных, дети Редеди были крещены, и его сын Роман, женившись на киевской княжне, дал начало известному в России роду, из которого вышел великий русский флотоводец Ф.Ф. Ушаков.

25. *Красный* — красивый. Роман Святославич, брат деда Игоря Олега, убитый половцами.

33. *Старый Владимир* — это несомненно Владимир Святославич, креститель Руси. Предположение о том, что здесь имеется в виду Владимир Мономах — внук Ярослава Мудрого, противоречит утверждению комментируемой фразы, поскольку и Ярослав, и Все-слав, и некоторые другие князья, оказались бы вне обусловленных ею рамок.

35. Боевой лук — сложное сооружение. Перед походом его необходимо натячь в меру крепости бойца, стянув тетивой. Если это

начальное напряжение достаточно велико и если хватит духу натянуть его как следует со стрелой, то большая дальность полета обеспечена.

Здесь князь сравнивается с лучником, но напрягает и острит он не лук и стрелы, а свой ум, а наводит — храбрые полки.

45. Слово *обанолы* обычно переводят как обе половины. Согласно словарю В.И. Даля возможен и другой смысл: *около, кругом, вокруг*. Баян, образно говоря, призывается украсить новое время неким ореолом славы, или венком. Возможно, это время предстает в человеческом образе, тогда речь идет об узорах, кайме славы на полах его одежды.

68. Рыцарю надо было действительно не сесть, а *всесть* на боевого коня, расположившись удобно и надежно в седле, приладив оружие и доспехи, позаботившись и о коне.

78. Слово *любо* обычно трактуется как *либо*. Однако, имеется иной смысл старинный, сохраненный в южнорусском, казачьем языке: это слово означает особую прелесть желательности, приемлемости.

79. Слово "ждет" по контексту выражает ожидание Игорем ответа на свою речь, а также косвенно обозначает задержку его войска на Осколе до подхода Всеволода с курским полком.

90, 221, 432, 465, 544. В этих строках с целью сохранения размера стиха используется старинная форма существительных творительного падежа множественного числа. То, что Всеволод действовал не мечом, а *мечами*, может указывать на его необычайную энергию, когда, согласно летописи, ему *оружия в руку недоставало* и приходилось его менять. С другой стороны, имеется в виду не только сам князь, но и его дружина.

105. Реальным воплощением Дива были половецкие разведчики, сторожа, наблюдавшие за продвижением русских войск с высоких деревьев. В мифологии ираноязычных народов и южных славян *дивы* — волшебные человекоподобные существа.

122. Наши предки за многие столетия до описываемых событий ходили в дальние морские походы и, конечно, знали об округлой форме Земли. В связи с этим предлагается истолковать слова *за шеломенем* как "за горизонтом".

Здесь, в начале главы, описывается первое пробуждение князя (или же рядового русского воина) в половецкой степи, он осознаёт, что находится уже не в Русской земле. В конце главы ситуация повторяется, однако в это второе утро перед боем, терзаемый гнетущими предчувствиями, герой не только вспоминает, но обращается к родной земле и не получает ответа... Теперь слово "земля" уже не в именительном, как ранее, а в звательном падеже, исчезнувшем в современном русском, но сохранившемся в украинском языке. Такова трактовка составителя.

131-144. Весьма содержательное место, особенно если сопоставить его с анализом намерений Игоря, опираясь на сведения из летописи.

Азарт битвы, захват пленников, разбой и... отрезвление при виде половецких узорожий, брошенных в грязь, а затем подчеркнута отстраненная концовка: князю — только знаки ханской власти.

Официальное отношение автора к поведению молодых воинов выражено позже словами Кисевского князя: "...не честно вы одоли...". Взятие полена — обычная практика войны, ее изнанка. Однако, захваченное половецкое добро оказалось в грязи, причем в

больших количествах. Сами воины сразу после победы по своей воле этого делать не станут. Следовательно, был приказ!

Этим раскрывается цель всего похода: не пограбить половецкие кочевья и вернуться восвояси (как иногда полагают), а восстановить или, может быть, только разведать путь в Тьмутаракань. По летописи, Игорь, предлагая сразу же идти "через ночь", говорил о трудной переправе, которую смогли бы преодолеть только лучшие конники. Похоже, имелась в виду переправа через Дон. Есть, правда, версия, что сражение произошло в бассейне Днепра. Однако, при всем уважении к ученым авторитетам, составитель отдает предпочтение мнению автора "Слова", который недвусмысленно и неоднократно указывает на то, что события происходили в низовьях Дона.

Въ пяток — в пятницу.

154. Очень выразительная характеристика отношений этих половецких ханов. Гончая на охоте может петлять, выслеживая дичь, а охотник заставляет ее идти напрямик, если знает куда. Все это четко отображается в следах на снегу: след гончей идет прямее, он "правит" след зайца, а охотник — правит след гончей.

Гзак рыщет в поисках, а Кончак точно знает, куда идут русские полки и куда следует направляться половцам. Есть предположение, что Игорь был завлечен в заранее предусмотренное место в результате предательства Ольстина Олексича или кого-то из проводников. Движение Кончака "К Дону Великому" указывает на его стремление преградить путь Игореву войску.

175. Отношение автора к Олегу Святославичу иногда трактуется как однозначно отрицательное. Это не так, а выводы историков последних лет опровергают мнение об Олеге и Ольговичах как основных виновниках раздоров. Дело было не только в личных качествах отдельных людей, хотя и в них, конечно, тоже. Автор с разных сторон раскрывает качества и поступки князя, не рисуя его одной краской.

182. В 1078 году великий Киевский князь Изяслав вместе с сыном Ярополком, братом Всеволодом и его сыном Владимиром (Мономахом) пошли войной на Чернигов, где "сидел" Олег Святославич после недавней смерти отца. Его двоюродный брат Борис, вопреки предложению Олега начать переговоры, вступил в бой один. Вряд ли причиной тому была, как полагают некоторые, трусость Олега, да и так ли уж велика доблесть ввязаться в междоусобицу. Во всяком случае, автор явно с иронией упоминает "славу", связывая ее с отчеством Бориса.

В битве на речке Канине погибли Борис и Изяслав. Н.М.Карамзин пишет так: "Наконец Олег обратился в бегство и с малым числом воинов ушел в Тьмутаракань. Бояре привезли тело Изяслава в ладии. Положенное в мраморную раку, тело Великого князя было предано земле в храме Богоматери, где стоял памятник св. Владимира... Роман Святославич, князь Тьмутараканский, желая отомстить за Олега и Бориса, немедленно начал (Г.Б.: точнее сказать, продолжил) войну междоусобную, котоая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили мир со Всеволодом у Переяславля и на возвратном пути умертвили Романа, а брата его Олега как невольника отправили в Константинополь." Ярополк, сопровождавший тело отца *в Киев*, погиб через несколько лет тоже в результате коварного злодейства.

В дошедших до нас текстах "Слова" на месте, соответствующем 187 строке, речка называется уже не Каниной, а Каялой., что повлекло различные толкования этого высказывания. Повидимому, автор совершает здесь переход к основным событиям поэмы, намечая историческую аналогию. Походы 1109-1110 гг. Владимира Мономаха и другого сына Изяслава — тогда уже Великого киевского князя Святополка — на Донских половцев, привели к изменению всей обстановки на юге Руси. Половцы несколько раз были разбиты русскими на нижнем Дону и у реки Сал — именно в тех местах, куда стремился Игорь Святославич со своим войском.

Согласно версии Н.К.Гудзия, под "отцом" Святополка следует понимать его тестя половецкого хана Тугоркана, убитого в одном из этих сражений, тело которого доставили принятым у кочевников способом на досках между двух коней к Киеву и похоронили на Берестове. У собора святой Софии могло совершиться прощание с отцом Великой княгини, жены Святополка.

184, 311. В обеих строках слово *наполома* понимается как "ковер" (от слова "на пол"). Согласно летописному сообщению о гибели Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского от мечей заговорщиков в 1174 году, его слуга долго просил ковер, чтобы завернуть тело своего господина. Есть и другие примеры именно такого толкования.

275. Трудно отрешиться от мысли, что эти слова написаны человеком, хорошо знакомым с диалогом Платона из его работы "О государстве", приведенной здесь в списке литературных источников, где он дважды приводит ключевую фразу: "*Это — мое, или это — не мое!*"

288. Этот чад (*смага*) из факела, развеянный русским людям богиней смерти и жалости, стал есть женщинам глаза, и они *восплакались*... Глубокие душевные движения как бы подготавливаются наглядными физическими причинами, за которыми угадываются определенные ритуальные действия.

307. Начало этого стиха, похоже, содержит скрытую иронию: враги рыщут по Русской земле, а князь спит в безопасном месте *на горах* (!) и видит сны.

317. *Доски без кнеса* — это уже не крыша. Просматривается сопоставление с разоренными южными окраинами Руси. Поскольку крыша разбиралась для выноса гроба из терема, это можно понимать также, как один из символов беды и смерти, наряду с черным ковром, синим вином, бусовыми воронами и т.п.

320. В глаголе *възграяху* приставка *въз* указывает на внезапное, кратковременное действие, а его временная форма имперфект — на продолжительное или же повторяющееся в прошлом действии. Таким образом, грай воронов подымался, стихал и вновь подымался в течение всей ночи. Зловещие птицы граяли, как бы отслеживая атаки половцев и стихали, если русичи отражали их. На рассвете, когда бегство ковуев предрешило поражение русских, вороны понесли сани к месту гибели войска.

321. У *Пленьска* — так в списке "Слова", составленном для Екатерины Второй еще до печатного издания. Возможно, название места имеет символический смысл.

322. *Дебрьские сани* — повидимому, сани для перевозки дров. По крайней мере, до принятия христианства русичи сжигали тела

погибших воинов на кострах, это описано, например, в византийских источниках о войне со Святославом Игоревичем.

351. Если готские девы на берегах Синего Азовского моря поют *Бусово время*, звоня русским златом после поражения русичей, и Киевский князь видит Бусовых воронов в своем извещающем об этих событиях сне, то вряд ли есть основания сомневаться, что и киевляне и автор считают погибшего от готов 800 лет назад князя Буса своим соотечественником.

О той же географической области и о близких к "Бусовым" временах М.В.Ломоносов, отстаивая российскую историю от попыток ее фальсификации, высказывался примерно так: Черное море не для того называлось Русским, чтобы русские корабли там *не* плавали.

352. Русские летописи сохранили овеянные романтикой сведения о жизни половецкого рода Шарукана—Отрока—Кончака. Часть его из-за победоносных походов Владимира Мономаха откочевала на Кавказ под власть грузинских царей. После смерти князя донские половцы стали звать родичей вернуться в степь, но те отказались. Тогда, согласно легенде, им послали степную траву евшан, вдохнув аромат которой, изгнанники решили, что лучше умереть на родине, чем сладко жить на чужбине.

415. Оба имени старинного города в Переяславском княжестве *Римы* и *Ромен* (ныне Ромны) созвучны с названиями "вечного" города *Рим*, *Рома*, и это, надо полагать, не случайно. Давние связи восточного славянства с Римом установлены вполне достоверно.

419. *Всеволод* — Владимиро-Суздальский князь, сын Юрия Долгорукого, дед великого защитника земли русской князя Александра Ярославича Невского. Наше отношение к последнему не должно помешать нам заметить, что стих о Всеволоде Большое Гнездо полон тонкой язвительной иронии. Сохранившиеся исторические сведения подтверждают право на такое отношение к нему со стороны поэта, выражающего взгляды и интересы Черниговских князей.

Есть, однако, авторитетные исследователи и толкователи "Слова", относящиеся к Ольговичам резко отрицательно и воспринимающие этот стих, как определенно хвалебный. Думается, нам трудно представить себе все обстоятельства, все нюансы отношений людей того времени, тем более князей — руководителей государств, чтобы брать на себя роль высшего судьи. Желательно стараться увидеть и понять эти отношения во всей их сложности, остроте и противоречивости, воздерживаясь от крайних категорических оценок.

441. Похоже, это обращение к Галицкому князю Ярославу Владимировичу, отцу любимой и единственной жены Игоря, оказывается исключением в ряду стихов, посвященных всем влиятельным князьям Русской земли: в нем нет упреков.

458. В этом благожелательном и хвалебном обращении к могущественному Волынскому князю Роману Мстиславичу автор не удержался от мягкой иронии, назвав причиной землетрясения бряцание железных подвесок под княжескими шеломами.

495. "Слово" в явной или неявной форме содержит множество исторических, географических и чисто житейских фактов. Эта строка, быть может, — единственное место, где автор, казалось бы, заслуживает упрека в неточности: Переяславль стоит на реке Трубеж, а Сула впадает в Днепр много ниже по его течению.

Дело, однако, в том, что в верхнем течении (в пределах Черниговского княжества) Сула имеет общее направление именно по линии Ромны — Переяславль, и путники могли пользоваться ею как ориентиром при пешем или конном путешествии в этот город. В связи с этим, строки 493-495 надо понимать как сообщение, что пересохло верхнее течение Сулы. То же произошло и с Западной Двиной, уподобившейся болоту от верховья до ее притока Полоты, где жили славяне Полочане и стоял их город Полоцк.

Кликамы поганых обозначено начало усиления языческих литовских племен, постоянно нараставшее с тех пор параллельно ослаблению Руси и приведшее позднее к образованию на литовских и западно-русских землях Великого княжества литовского, значительное большинство населения которого, также как и государственный язык, были русскими.

524. В приведенных ранее выписках из Новгородского Летописца чувствуется вполне определенное, хотя явно и не высказываемое сочувствие черниговцам. Содержание этого стиха из "Слова" и сам факт его написания вполне соответствуют исторической ситуации 1194 года: новгородцы ополчились против Ольговичей, и дело едва не дошло до битвы. И как знать, не сыграло ли свою роль в ее предотвращении уже написанное к тому времени и, возможно, донесенное до новгородцев Игореве "Слово"?

529. Всеслав стал княжить в Киеве в 1068 году, — это десятое, а не седьмое столетие после правления Траяна. Интересно отметить, что, согласно А.Т.Фоменко, возможна поправка в - 333 года к традиционной хронологии, и тогда окажется, что это событие произошло именно "на седьмом веке Траяна". Допускают также толкование слова *седьмой* как последний (из веков язычества на Руси). Не исключено, что автор имел в виду оба смысла: фактическое завершение эры язычества и сложная судьба князя-язычника Всеслава в переходный период к христианству как бы подтверждали библейский смысл седьмого завершающего дня (здесь века) сотворения (христианского) мира.

532. Великий Киевский князь Изяслав держал Всеслава в плену, в порубе. Когда в 1068 году русские потерпели поражение от половцев, Изяслав отказался дать горожанам оружие и *коней для нового сражения* и был ими изгнан. Повидимому, киевляне "посадили" Всеслава на киевский стол при обещании, что он даст им *коней* и поведет в бой.

565. То, что Полоцкий князь Всеслав Брючиславич слыл чародем, способным волшебным образом перевоплощаться и летать, отображено народным сознанием в былине о Вольхе (т.е. Волхве) Всеславиче. В тексте Мусина-Пушкина здесь — не чародей и не волхв, а *пытец*, т.е. пытающий судьбу с помощью сверхестественных сил.

572. *Владимир Старый* создавал и охранял единство Киевской Руси, ввел общую для всех восточных славян православную религию. Это, однако, не спасло Русь от раздоров после его смерти, но не распинать же было князя, как Христа, в качестве нового символа веры и единства...

631. Гзак потерпел неудачу при набеге на земли Игоря, а выкуп в 2000 гривен, затребованный половцами, не состоялся, эти обстоятельства грозили Игорю смертью или продажей в рабство. Условный

свист Овлура сообщал князю, что жизнь его в опасности и что все готово к побегу.

Конечно, побег Игоря был сопряжен с риском для его оставшихся в плену близких, однако, с другой стороны, именно сбежав, князь получал возможность выкупить родичей.

Сравнения Игоря с горностаем, гоголем и босым волком позволяют извлечь из краткого поэтического описания и более интимные подробности побега. Шубка горностая белая снизу и темная сверху: Повидимому, Игорь вышел из палатки "трепетен", как говорится в летописи, в белой исподней одежде и без вещей, лишь прикрывшись плащом, который потом снял при переправе через приток Донца. На другом берегу он оделся в сухое темное платье, припасенное Овлуром, не обуваясь, вскочил на коня, но тут же решил спешиться, чтобы стать менее заметным на открытом пространстве.

И повадки упоминаемых животных точно соответствуют характеру поведения Игоря в разные моменты побега.

689. Поражение Киевского князя Святополка и Владимира Мономаха от половцев, их бегство, закончившееся гибелью Ростислава в бурно разлившейся в половодье Стугне, относят к 1093 году. По данным Г.И.Швеца необычайно высокий сток Днепра имел место в 1092 году, это позволяет предположить, что на самом деле событие произошло на год раньше.

Другой пример такого сдвига — датировка похода Игоря Старого на греков 6452 годом, что за вычетом 5508 лет дает 944 по новому летосчислению. Современные историки уверенно относят этот поход к 943 году.

Слово *стругы* переводят как струи, потоки или же как струги, т.е. лодки. Однако, если учесть необычно сильный разлив Стугны, то, воспользовавшись словарем В.И.Даля, можно перевести это слово как *пучины*, *омуты в степных озерах*. "Худая", застойная вода с половецких степей обильно текла в том году в обычно небольшой и неопасной речке.

701. В Эймундовой саге (см. напр. книгу Г.М.Филиста), описывается акт преподнесения головы *Бурислейфа* — князя Бориса, коварно убитого (согласно саге) норманном Эймундом, — *конунгу Ярислейфу* (Ярославу). Ярослав якобы сказал, что норманны совершили опрометчивое дело, *тяжко* на нем лежащее. Сравнение с этой строкой дает основание заключить, что Боян, напомнивший об этом событии *или же его версии*, обладал не только поэтическим даром, но и немалым гражданским мужеством. В его двустроичном стихе повторены только два слова *голова* и *тяжко* из достаточно пространного описания соответствующих событий в саге, однако они в таком сочетании сами по себе уже выражают всё.

Не пытаюсь решать и даже ставить вопрос о достоверности изложения тех трагических событий в саге и летописях, нельзя не признать необычайную глубину и информационную емкость "Слова", чуткого душевного прикосновения его автора к стольким болевым точкам русской истории.

720. Так переводится слово *Аминь*, которым завершается поэма. Это повелительное утверждение служит традиционной формой окончания произведения. Вместе с тем, оно завершает мысль автора: речь ведь шла о том, что будут петь молодым князьям, и здесь выражена уверенность в исполнении всех этих добрых пожеланий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., "Наука", 1966, -295 с.
2. Булахов М.Г. "Слово о полку Игореве" в литературе, искусстве, науке. Кр. энциклопедический словарь. Под ред. Л.А.Дмитриева. Минск, Университетское изд., 1989, -247 с.
3. Введение христианства на Руси. М., "Мысль", 1987, 302 с.
4. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских... СПб., 1870, -305 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., "Рус. яз." 1989.
6. Древнерусские княжества 10-13 вв. Сб. статей под ред. Л.Г.Бескровного. М., "Наука", 1975, - 303 с.
7. Древности славян и Руси. М., "Наука", 1988, -288 с.
8. История родов русского дворянства. (По кн. П.Н.Петрова 1886 г.). Кн. I. М., "Современник", 1991, -431 с.
9. Карамзин Н.М. Предания веков. Сост. П.П.Макогоненко. М., "Правда", 1988, - 768 с.
10. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви, т. 1, М., "Наука", 1991, - 704 с.
11. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи 16-17 веков. М., "Наука", 1980, -312 с.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Ред. Г.Г.Литаврин, А.Н.Новосельцев. М., "Наука", 1989, -96 с.
13. Культура Русского Севера. Сб. статей. Отв. ред. К.В. Чистов. Л., "Наука", 1988, - 220 с.
14. Лев Диакон. История. Отв. ред. Г.Г.Литаврин. М., "Наука", 1988, -239 с.
15. Лермонтов М.Ю. Сочинения, т. 1, М., "Правда", 1988.
16. Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) году и кончающийся 6860 (1352). Синод. типогр. 1819, 225 с.
17. Ломоносов М.В. Избранная проза. Сост. В.А. Дмитриев. М., "Сов. Россия" 1986, -544 с.
18. Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский хронограф и "Слово о полку Игореве". Л., "Наука", 1977, -96 с.
19. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., "Международные отношения", 1986, -448 с.
20. Платон. Сочинения в трех томах, т. 3, М., "Мысль", 1971.
21. Пекарский П. Слово о полку Игореве. По списку, найденному между бумагами имп. Екатерины 2. СПб., 1864.
22. Поделков С. Четверостишия. Лит. Россия, 34-35, 14.11.1993.
23. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод С.П.Кондратьева. М., 1959.
24. Раич Иоанн. История разных славянских народов, ч. 1-5, Вена, 1794.
25. Размышления о божественной литургии Н.В.Гоголя: Репринтное издание. М., "Современник", 1990, -124 с.
26. Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Ред. А.М.Новикова. М., "Высшая школа", 1987, - 511 с.
27. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества 12-13 веков. М., "Наука", 1982, -590 с.
28. Самсонов Н.Г. Древнерусский язык. М., "Высшая школа" 1973, -296 с.

29. Славяно-русская этнография. Л., Георг. об-во СССР, 1973.
30. Слово о полку Игореве. Вступит. статья и подготовка древнерусского текста Д.Лихачева. Сост. Л.Дмитриев, художник В.А.Фаворский. М., "Художеств. литература", 1987, -222 с.
31. "Слово о полку Игореве" в гравюрах В.А.Фаворского. М., "Искусство", 1987, -258 с.
32. "Слово о полку Игореве": Древнерусский текст и переводы. Сост. В.И.Стеллецкий. М., "Сов. Россия", 1981, -288 с.
33. Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переложения. Сост. А.П.Комлев. Средне-Уральское изд., 1985.
34. "Слово о полку Игореве" и его время. Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., "Наука", 1985, -415 с.
35. Слово о полку Игореве. Комплексные исследования. Отв. ред. А.Н.Робинсон. М., "Наука". 1988, -440 с.
36. Смирнов А.П. Скифы. М., "Наука", 1966, -200 с.
37. Смирнов И.И. Очерки соц.-экономических отношений Руси 12-13 вв. М.-Л., Изд. АН СССР, 1963, -364 с.
38. Ткаченко П. Слава Игоревой рати. М. Биб-ка журнала "Пограничник" 2 (128), 1987.
39. Федоров В.Г. Кто был автором "Слова о полку Игореве" и где расположена река Каяла. М., "Молодая гвардия", 1956, -175 с.
40. Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М., изд. МГУ, 1979, -462 с.
41. Филист Г.М. История "преступлений" Святополка "окаянного". Минск, "Беларусь", 1990, -156 с.
42. Философский энциклопедический словарь. Гл. редакция: Л.Ф.Ильичев и др. М., Сов. Энциклопедия, 1983, -840 с.
43. Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии. М., Изд. МГУ, 1990, -440 с.
44. Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н.К.Гудзий. М., "Просвещение", 1973, -528 с.
45. Хрестоматия по истории русского языка. Сост. В.В.Иванова. и др. М., "Просвещение" 1990, -496 с.
46. Чивилихин В.А. Память. Роман-газета, н 3-4, 1985.
47. Швец Г.И. Многовековая изменчивость стока Днестра. Л., Гидрометеиздат, 1978, -83 с.
48. Югов А.К. Думы о русском слове. М., "Современник", 1972.
49. Arrian. The Campaigns of Alexander. Translated by Aubrey de Selincourt. Revised by J.R.Hamilton. Penguin Books. 1976, -430 p.
50. Buzychkin V. The Gold Ancient Proportions. "Moscow News". N 9, 1987.

Научно-художественное издание

Брызгалин Геннадий Ильич
ЧУДЕСНОЙ ТАЙНЫ КЛЮЧ

Редактор издательства Л. Н. Феофанова

Художник О. С. Кириллова

Подготовка оригинал-макета:

Г. И. Брызгалин, В. М. Волчков, С. В. Бородин.

Компьютерная графика: С. В. Бородин.

В оформлении использованы материалы старинного русского и скифского народного прикладного творчества

Подписано в печать 14.01.94. Формат 60×841/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 10 000 экз. Заказ 53.

Институт качеств (ТОО), Издательство Института качеств.
ВолгГТУ. 400066, Волгоград, пр. Ленина, 28.

ISBN 5-88069-001-6

Отпечатано с готовых фотоформ на арендном полиграфическом производственном предприятии «Офсет» Комитета по печати и информации. 400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

